

**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Н И У « Б е л Г У »)**

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ КРЫМА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Выпускная квалификационная работа

обучающегося по направлению подготовки

46.04.01 История, История России в контексте мировой истории

очной формы обучения, группы 02031708

Доронина Дмитрия Игоревича

Научный руководитель:

к.и.н., доцент

Сарапулкин В. А.

Рецензент: к. и. н.,

заместитель начальника

кафедры психологии и

педагогике БелЮИ МВД

России им. И.Д. Путилина

Шахов В.В.

БЕЛГОРОД 2019

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. Проблема возникновения монастырей в Крыму в средние века.....	12
1.1 Распространение христианства и монашества на Таврике.....	12
1.2 Изменения в церковной иерархии средневековой Таврики.....	44
Глава II. Пещерные города и церкви Таврики	59
2.1 Мангуп.....	59
2.2 Пещерные церкви в окрестностях Тешкли-буруна.....	82
2.3 Проблема хронологии.....	97
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	111
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	115

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении веков религия играла значительную, а порой и решающую роль в формировании и развитии культуры народов Восточной Европы. Различные верования сменяли друг друга и в конечном итоге либо исчезали навсегда, либо сохранялись в небольших этнических группах. У христианства другая судьба. Церковные институты, начиная с раннего средневековья, оказали значительное влияние не только на культурное развитие, но и на социальные и политические процессы. В истории церкви особая роль принадлежит монастырям, где монахи в силу первоначальной идеи самоотречения в служении Богу больше всего ревновали к следованию христианским догмам и соблюдению основанных на них законов.

Крым не стал исключением. Проникнув на полуостров из Малой Азии не ранее рубежа III-IV веков, христианство преобладало среди оседлых жителей средневекового Крыма почти полторы тысячи лет. На определенном историческом этапе полуостров играл роль связующего звена между Византией, православным миром и Киевской Русью. Здесь, в этнической среде восточных славян православие, имеющее греко-византийские корни, было доминирующей религией на протяжении более тысячи лет. В нем последовательно формировалась духовная культура, через церковные учреждения оказывалось влияние на внутреннюю и внешнюю политику крупнейшего древнерусского, а затем - московского, украинского и, наконец, единого русского государства.

Актуальность. Интерес к истории христианской церкви в Крыму возрос только в последние годы. Это связано с отказом от целенаправленной атеистической пропаганды, восстановлением православных церквей и монастырей, а также с возрождением интереса к истокам Русского Православия. К сожалению, недостаток знаний в данной области слабо удовлетворяется публикацией брошюр, копирующих дореволюционные издания, и отдельными статьями в периодической печати. Ощущается недостаток в обширных фундаментальных трудах, которые бы объединяли и

комментировали все имеющиеся на сегодняшний день материалы в области истории Православия на территории Крыма. Недостаточно освещены проблемы истории православного монашества в Крыму в силу его специфического положения в структуре церкви. При изучении данного вопроса акцент делался на исследования в области археологии и архитектуры. Оценка роли монашества как носителя культуры, влиятельного института в сфере политики и социального развития остается в тени.

Историческое прошлое Крыма, вещественные памятники его многовековой культурной жизни издавна исследовались отечественными и зарубежными учёными. Большое значение для изучения ранней истории Крымского полуострова имеют опубликованные до революции либо в последние годы записки средневековых путешественников, архивные документы, а также государственные и церковные юридические акты.

Вторую группу источников составляют публикации священнослужителей и историков Русской Православной Церкви XIX — начала XX вв. В их числе обширные труды епископа Гермогена, протоиереев А. Лебединцева и Г. Руднева, посвященные в целом истории христианства в Крыму. Особое место в русской церковной историографии занимает митрополит Московский и Коломенский Макарий. В его обширном труде «История Русской Церкви» была сделана попытка дать последовательное и подробное освещение исторического пути Православия на Руси от времени апостола Андрея Первозванного до Синодального периода в истории Русской Церкви. Он не просто систематизировал известные исторические материалы, но и сам обнаружил, исследовал и опубликовал множество древних источников по истории Церкви. В его обширном труде уделено немало внимания и истории Православия в Крыму. Макарий ввел в научный оборот множество новых материалов, что особенно касается изложения раннего средневекового периода истории Таврики.

В ряде церковных публикаций приводятся описания отдельных монастырей. В них наряду с объективной исторической информацией фигурируют церковная интерпретация событий и легенды.

Ученый митрополит римо-католических церквей в России Сестренцевич-Богуш составил исторический очерк судеб Крыма с древнейших времен до присоединения его к России. В 1800 г. он издал свой труд, составленный на французском языке, под заглавием «Histoire de la Tauride». В 1806 г. это сочинение появилось в русском переводе.

Светские источники дореволюционного периода представлены как путеводителями, так и научными трудами. В этот период к истории таврических монастырей обращались краеведы, историки, археологи. В большинстве случаев описания монастырей содержались в путеводителях по Крыму, но и они тяготели к пересказу сведений, взятых из церковной литературы, дополненных описанием архитектуры и некоторых событий текущей жизни обитателей. В 1794 г. академик Паллас совершил путешествие в Крым и на Таманский полуостров, по его итогам он составил ученое описание края. В области изучения крымских древностей работал Кёлер. В 1804 г. в Академию Наук им была представлена учёная работа «Lettres sur plusieurs medaillts de la Sarmatie d'Europe et de la Chersonese Taurique».

Результатом интереса, проявляемого императором Николаем Павловичем, к добываемым из раскопок древностям стали вышедшие в 1854 г. два огромных тома под заглавием «Древности Босфора Киммерийского – Antiquites du Bosphore Cimmtrien» с текстом на русском и французском языках и великолепным атласом таблиц. В этом издании были соединены все находки, сделанные до этого времени в Керчи и Тамани.

Эпоху в историческом и археологическом изучении Крыма составил академик П. И. Кеппен своим трудом «Крымский Сборник» с археологической картой полуострова. Труд вышел в Петербурге в 1837 г. Кеппен в течение нескольких лет собирал сведения о местах древних поселений и осветил историю края.

В 1839 г. возникло Одесское Общество Истории и Древностей, целью которого стало изучение древностей черноморского побережья и исторических судеб края. С 1844 г. Общество начало издавать свои «Записки», которые содержат множество ценных исследований, статей, заметок и материалов по истории и археологии Крыма и юга России.

Надписи всегда являлись и являются важным источником нашего знания о судьбах и культурной жизни юга России. В 1896 г. академик Латышев собрал в одно издание все ставшие известными христианские надписи юга России под заглавием «Сборник греческих надписей христианских времен из южной России». Здесь собраны эпиграфические тексты с переводами на русский язык и обширными учёными комментариями.

Следует отметить также капитальный труд английского ученого, члена Кембриджского университета И. Е. Миннза «Scythians and Greeks» (Cambridge, 1913). Хорошо владея русским языком, много поработав над изучением памятников, в том числе и на местах раскопок, Миннз поставил цель свести в одном томе все, что было известно на данный момент по археологии, этнографии и истории области от Карпат и до Кавказа. Изучив всю литературу по крымским древностям на русском, французском, немецком и других языках и вступив в переписку с учеными всех европейских стран, Миннз дал свод систематизированного материала. Закончил он свой труд подробным историческим обзором отдельных культурных центров на основании всего имевшегося в наличии исторического, археологического и нумизматического материала. Труд Миннза богато снабжен картами, планами и снимками.

Большой интерес представляют труды по истории Крыма В. Х. Кондараки, и Е. Л. Маркова. В числе научных трудов указанного периода особо следует отметить ценную работу Ф. Хартахая, попытавшегося на основе накопившихся к его времени данных изложить историю христианства на полуострове. Сугубо научны и обоснованны исследования в области

истории христианской церкви А.А. Васильева, В.Г. Васильевского, Ю.А. Кулаковского, А.Л. Бертъе-Делагарда.

В труде профессора Юлиана Кулаковского «Прошлое Тавриды» представлен очень ценный материал. Этот очерк – попытка представить в связной форме свод данных по истории Крыма в их исторической последовательности с самого начала, с которого начинаются исторические свидетельства о жизни этой части нашего отечества. Работа исполнена не как исследование, а как результат исследования. В ней кратко сопоставлены достоверные исторические события и преемственность этнических и культурных воздействий на жизнь населения Таврического полуострова. В примечаниях даны указания на источники, из которых были почерпнуты приводимые в тексте факты и утверждения. В «Приложении» сделан общий обзор последовательного хода научной разработки археологии Крыма и заголовки изданий в этой области русской науки.

В советский период изучение истории Православия в Крыму рассматривалось как неактуальное и, по сути, было приостановлено. Исследователи в основном касались церковных памятников средневекового периода. Им уделяли внимание Е.В. Веймарн, А.Л. Якобсон, О.И. Домбровский, В.Л. Мыц и некоторые другие исследователи, работы которых были посвящены преимущественно анализу результатов археологических исследований.

В последнее время значительно расширилась источниковедческая база, были введены в научный оборот новые источники, а ранее известные получили новую трактовку. Это относится как к письменным источникам, так и в еще большей мере – к памятникам археологическим. Сейчас в Крыму восстали из небытия десятки раннехристианских храмов. Продолжая изучение проблем истории Православия в Крыму, в постсоветский период этой проблеме в той или иной степени посвятили свои работы: В.Н. Даниленко, А.Г. Герцен, В.Ф. Филиппенко и Ю.М. Могаричев. Особняком стоит работа группы исследователей Херсонесского музея – «Крым

христианский». В ней впервые, используя метод комплексного исследования источников, делается попытка осветить в динамике историю христианской церкви в Крыму с древнейших времен до начала XX в. В указанном труде должное место отведено и православным монастырям полуострова. Истории православных монастырей Крыма посвящена и работа В.Г. Тура «Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX вв.». Работа охватывает широкие временные рамки VIII – начала XX вв., в ней, что очень ценно для нас, рассматриваются проблемы утверждения христианской церкви на Крымском полуострове. В своей книге В.Г. Тур использовал материалы Государственного архива Автономной Республики Крым, а также научной и церковно-исторической литературы XIX-XX вв.

Из современных исследований хотелось бы отметить следующие работы. А.И. Айбабин в книге «Этническая история ранневизантийского Крыма» на основе комплексного анализа археологических, письменных, нумизматических, эпиграфических источников предлагает ознакомиться с историческими процессами, происходившими в Крыму в IV-V вв. При этом особое внимание автор уделяет проблемам истории средневекового Херсона и Боспора.

В монографии И.С. Пиоро «Крымская Готия» освещены проблемы формирования этнического состава населения Крыма во времена вторжения готов на полуостров, гуннского нашествия, господства Византийской империи и Хазарского каганата.

А.Г. Герцен и О.А. Махнева-Чернец в работе «Пещерные города Крыма» не только описывают памятники средневекового Крыма, но и стремятся дать ответы на ключевые вопросы крымского прошлого.

Книга В.М. Зубаря и С.Б. Сорочан «У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера» содержит описание основных этапов исторического развития Херсонеса Таврического и Юго-Западной части Таврики в период, который охватывает последнюю четверть III-VI вв. На историческом фоне авторы на основе имеющихся на сегодняшний день

источников рассматривают обстоятельства начального периода проникновения и распространения христианской религии в регионе, отмечают особенности этого процесса в конкретно-исторических условиях.

«Сугдейский сборник» открывает серию изданий, посвящённых истории, археологии и культуре средневекового Крыма. В сборнике учтены материалы научной конференции «Сугдея, Сурож, Солдайя в истории Руси-Украины», проводившейся в 2000 г. Многие эпиграфические, археологические и другие материалы публикуются впервые.

Нужно также отметить коллективный труд Ю.М. Могаричева, А.В. Сазанова, А.К. Шапошникова «Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Житие Иоанна Готского – ценный и часто цитируемый источник по истории раннесредневекового Крыма. В книге он анализируется в контексте истории Крымского полуострова. Житие рассказывает о событиях и процессах, протекавших на территории Южного Крыма в VIII в. В приложении дано также Житие Стефана Сурожского. На этих источниках в значительной степени основываются существующие представления о политической и церковной истории Таврики раннесредневекового времени. В первую очередь это касается выводов о времени образования Готской епархии, о характере и степени византийского влияния в Крыму. Кроме того, из Житий Иоанна Готского и Стефана Сурожского можно почерпнуть важные сведения по истории Византии иконоборческого периода.

Объектом исследования в работе является история Крыма периода раннего средневековья.

Предметом - история православных монастырей указанного периода.

Цель – изучение истории православных монастырей Крыма периода раннего средневековья.

Задачи – рассмотреть взаимосвязь распространения христианства и появления монастырей на полуострове Крым, проследить эволюцию

церковной иерархии и исследовать быт и особенности конкретных монастырей с помощью археологических исследований.

Методологическую базу исследования составляют принципы историзма, объективности, достоверности. Для соблюдения принципа достоверности исследование проводится на основе совокупности разных источников, отражающих реалии изучаемого времени. В соответствии с принципом объективности в процессе работы большое внимание уделено конкретным историческим фактам, а также привлекается комплекс общенаучных и специальных методов.

К числу используемых общенаучных методов относится анализ, синтез, сравнение, обобщение. Общенаучные методы синтеза и обобщения были применены для построения выводов и заключительной части исследовательской работы.

Научная новизна заключается в следующем:

- предпринята попытка в динамике рассмотреть историю православного монашества Крыма, его роль в формировании культуры, социальных и политических отношений на полуострове;

- предложена хронология истории монашества в Крыму;

Теоретической основой данной работы являются сравнительно-исторический метод, метод синхронного и диахронного анализа, подход школы «Анналов» к изучению повседневной жизни древности и Средневековья, отражённые в трудах таких исследователей как М. Блок, Л. Февр, Ж. ле Гофф, А.Я. Гуревич, Г.Г. Литаврин, Н.А. Скабаланович, Ю.А. Кулаковский и др.

Исторический метод комплексного анализа источников, необходим для систематизации работы с имеющимися источниками, и выделения необходимого материала из всей источниковой базы.

Сравнительно исторический метод позволяет проследить развитие монастырского движения в разных уголках Крыма и обнаружить как схожие черты, так и отличия.

Метод синхронного и диахронного анализа позволяет нам ответить на вопросы о том, когда может наступить то или иное состояние в ходе изучаемого процесса, как долго оно будет сохраняться, сколько времени займет то или иное историческое событие, что является необходимым при изучении истории Крыма.

Практическая значимость заключается в том, что результаты данного исследования могут быть использованы в рамках учебных курсов вузовской или школьной программ по истории России, всеобщей истории, религиоведению и т.д. Мы рассчитываем, что работа будет интересна для студентов исторических и теологических факультетов, что она будет использована в качестве дополнительного пособия в рамках культурологических и гуманитарных курсов, таких как история религии, и религиоведение, а также поможет при изучении базовых дисциплин. Материалы работы могут быть полезны педагогам при проведении внеклассных бесед духовно-нравственного и историко-культурного содержания.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка.

Глава I. Проблема возникновения монастырей в Крыму в средние века

1.1 Распространение христианства и монашества на Таврике

Историки Православной Церкви и ряд светских авторов конца XIX - начала XX веков, опираясь на произведения Епифания (ум. 403 г.) и «Жизни херсонесских епископов» (VII век), связывают распространение христианства в Таврике с проповеднической работой апостола Андрея Первозванного и Папы Климента, то есть не позднее 1-го века. Не исключая появления среди части населения Крыма и, прежде всего, его крупнейших центров - Боспора и Херсонеса - идей единобожия, поклонения Всевышнему Богу и ожидания Мессии, нет никаких оснований для разговоров о широком распространении христианства в первые века. Во-первых, само христианство как самостоятельная догма было отделено от иудаизма не ранее второго века, а во-вторых, ядро религии - Символ веры - сформировалось только в четвертом веке. - на I Никейском (325) и II Константинопольском (381) Вселенских соборах. Повествование о преследовании в начале IV. Упоминаемые в «Жизни» проповедники Иерусалимского Патриарха Василия, Ефрема, Евгения, Эльпидия, Агатодора и Эферия еще раз свидетельствуют о преобладании в Таврике архаичных и политеистических религий во времена правления Императора Диоклетиана. ¹Только проповедь епископа Капитона в 325 году могла иметь реальный успех в распространении христианства. Этому способствовало официальное положение византийского императора Константина и поддержка епископа военного отряда во главе с Теоном, который прибыл с ним. Тем не менее, мы можем, вероятно, отнести возникновение христианских общин на полуострове ко времени не ранее конца IV в. ²Более того, распространение новой религии было более интенсивным на Босфоре и гораздо более медленным в Юго-Западном и Западном Крыму. Только проповедь епископа Капитона в 325 г. могли иметь некоторый реальный успех в деле

¹ Зубарь В. М. У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера / В. М. Зубарь, С. Б. Сорочан. – К.: Стило, 2005. – 182 с.

² Там же

распространения христианства. Этой последующей официальной позицией византийского императора Константина и опоры был открыт новый курс во главе с Феоной. Мы, вероятно, сможем отнести это ко времени не ранее конца IV в. Распространение новой религии в Боснии и Герцеговине в Юго-Западном и Западном Крыму.

Следует упомянуть, что среди участников II Вселенского собора (381 г.) уже указан Херсонесский архиепископ Евферий, известны имена херсонесских епископов Лонгина и Стефана, подписавших решения церковных соборов в 448 и 535 гг. В общем, по данным, приведенным Д. Струковым, до начала VI в. в Таврике известно не менее 20 епископов. Однако, по словам В.М. Зубар, проанализировавший материалы археологических исследований, повсеместной христианизации Таврики начался только в VI-VII веках. Этому способствовала активная политика императоров Византии. Первые церкви построены в Херсонесе, мученики Херсонеса канонизированы. Археологи обнаружили склепы и захоронения с христианскими символами, относящимися к этому периоду. Тем не менее, язычество сохраняло сильную позицию до VIII века, с одной стороны, из-за консерватизма некоторых жителей Таврики - отдаленной периферии империи, с другой - из-за влияния кочевых племен раннее средневековье.³

История христианской церкви от IV. тесно связаны с монашеством как особой формой аскетизма среди верующих. Практика разведения пустыни, отказа от мирских благ и посвящения себя служению Богу была распространена в бассейне Средиземного моря задолго до появления христианства. Подобные идеи изоляции в различных формах встречаются в буддизме, ряде египетских и древнегреческих культов. Аскетические еврейские секты ессеев и терапевтов, которые вели подобный образ жизни, были, вероятно, очень близки к ранним христианам. С самого начала учения

³ Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории / И. С. Свенцицкая. - М.: Политиздат, 1988. - 336 с.

Иисуса противопоставлялись греко-римской морали и морали общества, как это казалось в провинциях, погрязших в разврате, богатстве, недержании и лжи. Это обстоятельство побудило самых ревностных христиан провести различие между мирской, плотской жизнью по сравнению с «царством греха» и жизнью «в духе». Развитие христианского аскетизма, такого как исихазм, способствовало распространению идей гностиков и дуалистических учений, сходных с манихейством. Последний охарактеризовал все материальное как творение зла, сатаны. Спасение через Христа рассматривалось как освобождение божественного духа, заключенного в теле каждого. Поэтому конечной целью было обуздать плоть, отказаться от злого принципа, воссоединиться с первоисточником духа - Богом, Светом.

Несмотря на отказ от дуалистических учений христианской церкви, идеи аскетизма все еще оставались актуальными. Желание покинуть мир в то же время казалось имитацией уединения самого Иисуса в пустыне, где он, согласно Евангелию, сопротивлялся искушениям сатаны (Матфея 4: 2-11).

Еще одной важной причиной появления монашества стали перемены в самой христианской церкви. В III и IV вв. она "идет навстречу миру". Во-первых, это отразилось на изменениях в церковном управлении и уподоблении его государственному устройству. Возникла строгая иерархия духовенства, решения советов получили силу законов, сформировались нерушимые нормы церковной жизни. Влияние епископата в некоторых регионах было настолько велико, что создавало проблемы даже для правительства. ⁴Например, император Деций сказал: «Я бы предпочел перенести второго императора в Риме, чем христианского епископа». Во-вторых, в области богослужения церковь во многих отношениях приняла элементы предыдущих религиозных традиций. Вместо прежнего «прямого» духовного общения с Богом возникает величественный, многословный ритуал богослужения, переполненный символами и риторикой. Культ поклонения представлен многим апостолам, мученикам и святым. Различные

4 Никольский Н.М. История русской церкви / Н. М. Никольский. - М.: Политиздат, 1983. - 448 с.

амулеты, реликвии, заклинания приобретают ценность. В-третьих, в повседневной жизни ранее закрытых и независимых сообществ, ориентированных на самоотверженное служение Богу, личное спасение, осознание жизни как временного убежища, погруженного в грех, произошли изменения. Христиане, священники и даже епископы стали занимать государственные должности. Христианин перестал быть образцом морали, равенство «Христианин свят» утратило свое значение. В результате желающих обрести святость, духовную чистоту, стремящимся к искреннему служению Богу, пришлось покинуть не только мир, но и мирскую церковь, отправиться в необитаемые районы, чтобы очиститься и защитить себя от искушений.

Историки церкви связывают возникновение монашества с аскетической деятельностью святых Антония и Пахомия Великого. В результате уже в IV. В регионах Верхнего Египта, Сирии и Палестины образуются два типа монашества: отшельник и общественный. Аскетизм был нацелен на отделение от внешнего мира, аскетическую жизнь и полную преданность служению Богу.⁵

Общежительное монашество, возникшее по инициативе Пахомия, заключалось в объединении монашествующих в общину с выборным аввой (отцом), выработке и безропотном выполнении монастырского устава, регламентирующего быт, поведение и порядок богослужения в общинах, и коллективном труде. Такая структура и комплекс правил способствовали строгому выполнению иноческих обетов и в целом обеспечивали жизнедеятельность монашествующих. Целью подобных объединений являлось создание оптимальных условий для самосовершенствования, отказа от мирской роскоши и обеспечения возможности наиболее полного служения божеству под руководством опытного наставника.

5 Кубланов М. М. Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре (I-IV вв. н. э.) / М. М. Кубланов // Ежегодник музея истории религии и атеизма. - Выпуск 2.- М., 1958. - С. 57-68.

Монахи поселились в камерах по 1-3 человека каждая. Несколько из этих камер были Лаврой с общим местом для приема пищи и встреч. В некоторых случаях монахи жили в одной комнате. Работа по дому была распределена в соответствии с сильными сторонами и способностями каждого и состояла в обработке земли, а затем в ремесле. Избыточное производство предназначалось для раздачи бедным. Одежда монахов состояла из коловии (или левитона), то есть длинной льняной или шерстяной рубашки, акалава - шерстяной повязки под подмышками, кожаного пояса и сладости - верхнего плаща из козьей или овечьей шкуры. Обязательным был купол - шляпа конической формы и шафария - крышка на кепке, похожая на капюшон или капюшон. Милоти и пояс разрешалось снимать только по субботам и воскресеньям, а также для празднования Евхаристии. Монахи собирались два раза в день для совместной трапезы и молитв, пока они надевали капюшон, чтобы не видеть соседей. Было запрещено приближаться ближе друг к другу, чем к локтю; они были вынуждены спать в отдельных тесных, закрытых комнатах. Отношения с внешним миром были настолько ограничены, насколько это было возможно, и родственные контакты считались грехом. Скучная аскетическая еда состояла из хлеба, воды, трав или бобов, иногда приправленных солью или оливковым маслом. Во время трапезы читали Библию или другие произведения религиозного поучительного содержания. Ряд таинств монашеского правления предостерегал монахов от насмешек, пустых разговоров, лжи и обмана. За нарушение устава предусмотрены суровые штрафные санкции. Например, согласно статуту Пахомии, виновные подвергались телесным наказаниям за кражу, бегство и ссоры. Существование таких жестких санкций позволяет предположить, что даже на начальном этапе аскетический мир был не так совершенен, как это часто представляется. Однако в будущем эти виды наказаний были исключены из уставов. Вступлению в монастырь предшествовал трехлетний испытательный срок в качестве новичка.

Был еще один тип киноварного общежития, когда вокруг основного объединилось несколько небольших монастырей. Во главе каждой Киновии был избранный игумен, который, в свою очередь, был подчинен настоятелю главного монастыря, киновиарху⁶. Впоследствии глава нескольких монастырей и киновий стал известен как архимандрит. Монастыри этого типа впервые появляются в Табенне. Администрация доходов и расходов в монастыре была возложена на экономку. Позже возник ряд монашеских рядов, контролирующих поведение монахов, которые отвечали за церковь и богослужение, помогали экономике в экономических вопросах и т. Д. На все должности люди из числа братьев были назначены игуменами.

Первоначально монашество и церковная иерархия имели самостоятельные структуры. Монахи не принимали священнослужителей и приглашали священнослужителей совершать богослужение. Впоследствии они были назначены из числа монашествующих для поклонения только внутри монастырей. В результате было принято возводить грамотных монахов старшинства как иеродиаконов и иеромонахов.

Имперская власть изначально была враждебна монашеству, считая его запасом политической оппозиции. Например, по приказу императора Валента (364–378) монахи были изгнаны из городов и насильственно отправлены на военную службу. Император Феодосий I (379-395) первоначально проводил аналогичную политику. Только после победы никийцев в борьбе с арианами при поддержке Феодосия и публикации указа об обязательном христианском наименовании подданных указ о монашестве, который до сих пор представлял собой серьезную политическую силу, был отменен. Но монахи были добавлены к духовенству и подчинены епархиальным епископам только по решению Вселенского Собора 451 года.

По мнению историков церкви, в IV-V вв. Число монахов в долине Нила, в Сирии, Палестине, Армении и Италии достигло десятков тысяч человек. Устав Пахомия лег в основу поздне-монашеской типики. В

⁶ Киновиарх – настоятель киновии.

частности, на Востоке его заменили статуты Василия Великого, который сохранил большинство статей статута Пахомия, но несколько смягчил их. Все последующие наиболее известные статуты - Сава Просветленный, Феодор Студит и Афон - обычно повторяли статуты Пахомия и Василия.⁷

Однако кинобитная форма монастырей не удовлетворяла всех. Поэтому наряду с общественным монашеством оставался аскетизм. Со временем возникли новые крайности аскезы: отступление, тишина, изготовление спицей и т. д.

С другой стороны, поскольку монашество распространилось в центрах средиземноморских цивилизаций и активно вмешивалось в политическую жизнь империи, традиционные формы циннобитизма постепенно искажались. Стали возникать так называемые загородные монастыри, где каждый, живя в специальной камере, по своему усмотрению сохранял права частной собственности и организовывал жизнь, часто наполняя свои камеры роскошными предметами. Были частные монастыри на землях и под эгидой светских людей. В монастыре существовала практика тюремного заключения и принудительного монашеского обета лиц, которых не любил византийский император или совершивших моральные преступления. Светские власти начали активно вмешиваться в церковные дела, жизнь и деятельность монастырей. В то же время священнослужители были вовлечены в политические вопросы, используя свой авторитет среди верующих. Монашество на разных этапах истории активно поддерживало имперскую власть или выступало в оппозиции. Но в то же время идеи и цели монашества оставались неприкосновенными.

В 5-м веке благодаря крупным пожертвованиям от светских благотворителей количество монастырей в восточных провинциях и в самой Византии резко возросло. Законы императора Юстиниана I предусматривали

⁷ Каждан А. П. Государство и церковь во второй половине IX-X века / А. П. Каждан // История Византии. - Т. 2. - М., 1967. - С. 85-107.

права и преимущества монашества в социальной и экономической сферах. Например, имущество виновных в супружеской измене может быть передано монастырям. Было запрещено отчуждать церковную и монашескую собственность, церковь выступала наследницей любого лица при наличии завещания независимо от требований родственников. Это имело особое значение для монастырей. Впоследствии даже запрет императора Маврикия на выезд из монастыря чиновников и солдат, которые не отбыли свое время, был отменен. В этот период расширяется практика перехода в монашеский класс представителей различных слоев населения, которые не всегда руководствуются соображениями веры, но в большей степени привлекаются социальными и экономическими выгодами. Это повлияло на дисциплину и привело к ослаблению религиозного и нравственного значения монастырей. Ряд соборов VI. он был вынужден принимать особые решения, чтобы обуздать волю странствующих монахов, а император Юстиниан подчинял епископов монахам. К VI-VII вв. монастыри уже пережили свой аскетический и героический период личной инициативы и самоуправления. Их деятельность была более тесно связана с церковной иерархией и светской властью.

Завоевание арабов Египта и Палестины в VII веке. привело к сокращению христианских монастырей на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Многие из них были разорены, а строительство новых было запрещено халифом Омаром I. В результате центр монашеского движения переместился в сужающиеся пределы Византийской империи, где вокруг больших городов строятся многочисленные монастыри, а количество братьев резко увеличивается. В то же время, Атос был первым толкнул. Рост монашеской собственности способствовал покровительству имперской власти. Организация новых монастырей сопровождалась отводом земель, а иногда и деревень, выделением средств. Монастыри получали в подарок различные предприятия, например, соляные шахты и предметы дохода: коллекции вин, пошлины и т. д.

С таким широко распространенным монашеством в Византии и его растущей политической ролью, Таврик не мог остаться без внимания братьев. Активная внешняя политика, укрепление империей своих позиций в Северном Причерноморье полностью сочетались с распространением христианства. Свидетельством тому является расширение сообщества верующих, например, в Херсонесе. Монашество, отличающееся религиозным рвением, должно было использоваться для проповеди в отдаленных пригородах. Жизнь преданных церкви на границе языческого мира была не такой привлекательной, как под защитой императорского двора, и требовала поистине религиозного и морального достижения. Поэтому в VI-VII вв. в Таврике могли быть в основном убежденные, вероятно, фанатично настроенные и аскетичные проповедники образа жизни среди монахов, в наименьшей степени связанные с местной светской властью.

С нашей точки зрения, если бы монастыри двух вышеупомянутых типов имели место в Крыму, то их обитатели должны были отличаться по воздержанию от мирских благ и аскезы. Тогда вполне оправданно, что при такой скромной жизни просто не могло бы существовать существенных вещественных доказательств, археологических материалов, подтверждающих нашу версию. Наивно искать следы крупных киновий. Скорее всего, это могут быть бродячие монахи, ведущие одиночный образ жизни (отшельники), или два или три монаха (келиотеса), объединенные в одну камеру. Кроме того, даже известные нам скромные памятники истории церкви практически не подвергались систематическим археологическим исследованиям. Это объясняет тот факт, что сегодня практически невозможно выделить ни один древний монастырь или отдельную келию, которые можно с уверенностью датировать VI-VII вв.⁸

Окончательная победа христианства в Таврике совпадает с иконоборческим периодом. Иконоборческое движение в Византии до VII в.

8 Баранов И. А. Памятники раннесредневекового Крыма / И. А. Баранов // Археология Украинской ССР / АН УССР. Институт археологии: В 3 т. - Т. 3. - К.: Наукова думка, 1986. - 573 с.

выделяется как независимый мощный ток. К этому времени церковь еще не определилась со своим четким каноническим отношением к почитанию икон, а византийская икона продолжала традиции древнего изобразительного искусства. Использование и поклонение икон, вероятно, воспринималось христианами как возвращение к идолопоклонству. Несомненно, в VI-VIII веках, в связи с перестройкой общественных отношений в обществе, идеи людей также изменились. Христианство все глубже проникало в сознание и требовало отличия от языческих традиций. Однако этот фактор не был основным фактором в развитии иконоборчества, поскольку христианская церковь на протяжении всей своей истории вела гибкую политику овладения сознанием населения, адаптации к местным традициям, используя даже языческие праздники. По мнению Августина, «христиане меньше других должны отвергать что-то хорошее только потому, что оно принадлежит одному или другому, только Бог является создателем и владельцем всего. Поэтому, чтобы продолжать добросовестную практику, практикуемую идолопоклонниками, сохранять религиозные предметы и здания, которые они использовали, это значит отнимать у них то, чем они не владеют, возвращаться к их истинному владельцу, Богу, посвящая его непосредственно в своем культе и косвенно в "культе святых". Поэтому появление иконоборчества и его борьбу против "языческих" проявлений в христианстве можно рассматривать только как предлог для разграничения поляризованных общественных сил. Иконоборчество возникло прежде всего как протест против богатой городской церкви с его великолепным культом, бесчисленным паразитическим городским монашеством и древними традициями жизни городского духовенства.

В то же время борьба с арабами в Малой Азии требовала значительных материальных ресурсов от императорского двора. Поддержка иконоборческого движения обещала получить их без особых усилий. Более того, вооруженная борьба против арабов-мусульман должна была сочетаться с распространением христианства среди язычников, для которых пышность

культы и поклонение иконам казались слишком большим контрастом. В результате с 726 года иконоборчество становится государственной политикой. Удалив часть церковных монастырских сокровищ и отменив некоторые налоговые льготы, император Лев III Исавро (717-741) смог получить необходимые средства для выплаты зарплат стратиатам, строительства укреплений и флота, изготовления оружия. В результате была создана армия, способная противостоять арабам, потерпевшим поражение в 740 году.⁹

Подрывая экономические основы старого городского духовенства и монашества, тесно связанного с городскими владельцами, Лев III опирался в своей политике не только на светскую элиту и часть духовенства, но и искал поддержки среди крестьянства, где начиная со второй половины 7 в. Распространяется павликианство, выросшее на раннехристианских идеалах и дуалистических учениях. Тот факт, что иконоборчество на ранней стадии слилось с павликианством, подтверждается тем фактом, что в VIII в. Павликианцы не преследовались властями.

Политика Льва III встретила ожесточенное сопротивление иконопатов, потому что оно подорвало власть стоящих за ними сил. Во главе оппозиции становится монах.

Однако византийские монастыри VIII - IX вв. не может рассматриваться как общежитие бездельников-монахов, существующее за счет ренты феодально-зависимого крестьянства. По большей части это были большие и малые объединения свободных рабочих, эксплуатируемые монашеской элитой, приросшей к светской власти. Игуменом этих монастырей были экономные мастера, занимающиеся продажей хлеба, распространением вина, продажей шерсти и ремесленных изделий.

⁹ Смирнов П., протоиерей. История христианской православной церкви / протоиерей П. Смирнов. - М.: Православная беседа, 1994. - 172 с.

Большинство монастырей были построены вокруг городов. Зачастую монашеские постройки были даже собственностью богатых граждан. В самих городах монастыри были центрами ремесел, служащими не только потребностям братьев, но и рынок Обители также играл значительную роль в организации торговли и экономики страны в целом.¹⁰

К восьмому веку число монастырей в Византии достигает беспрецедентных масштабов. В начале иконоборческого периода численность монахов, по мнению А.А. Васильев достиг 100 тысяч человек. Число монастырей катастрофически росло, что уже затрагивало интересы светского государства. Массовая забота о молодых здоровых людях-монахах отразилась на пополнении армии рабочей силой и способствовала сокращению рабочей силы в производственном секторе. Следует иметь в виду, что земля и другое имущество, переданные монастырям, не облагаются государственными налогами, что также наносит значительный ущерб казне. В моменты экономического кризиса монастыри стали прибежищем для тех, кто хотел избавиться от государственных пошлин.

Однако социальные проблемы были не единственной причиной широкого распространения монашества. Добровольный отказ от мира, стремление к моральной чистоте после сбора урожая требовали взвешенного решения, соответствующего степени религиозности. Коллективное управление экономикой и жизнью, строгое соблюдение уставов и монашеских обетов, постоянное общение между единомышленниками укрепляли христианские идеалы среди монахов, влияли на их мировоззрение, что приводило к развитию религиозного фанатизма. Кроме того, следует отметить, что на фоне упадка светского образования и науки монастыри постепенно становятся единственными центрами просвещения. Тем не менее, несмотря на поддержку иконоборцев имперской властью, Константинополь

10 Даниленко В. Н. Монастырское хозяйство в Крыму / В. Н. Даниленко // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь: Таврия, 1994. - С. 127-145.

все еще был оплотом почитания икон. Старое дворянство, являющееся частью духовенства и монастырей, придерживавшихся устоявшихся догм, представляло собой серьезную оппозицию.

После иконоборческого Собора 754 года, который был инициирован преемником Льва III - Императора Константина V Копронима (741-745), монашество выступает в качестве лидера почитания икон и ярким противником иконоборческой политики. Это было связано с тем, что, во-первых, монастыри сохранили определенную независимость от светских властей, во-вторых, их доходы от продажи икон и реликвий сократились, и, в-третьих, они пытались выйти из-под контроля епископата. монашество постоянно соревновалось. Была причина не повиноваться центральной церковной администрации из-за несогласия с решениями упомянутого Собора.

Успешные военные кампании Константина V против арабов, возросший авторитет императора в войсках и среди населения позволили, наконец, принять более жесткие меры против оппозиционно настроенных иконопочклонников. Мятежные монастыри были закрыты, превращены в казармы и мастерские, конфисковано имущество, пополнено государственное казначейство, а непокорных монахов отправлены в изгнание. В самой столице Константин стремился направить население против монахов, которых он назвал «темными носителями», поощряя погромы в монастырях и организовывая публичную насмешку над монахами на ипподроме.

Перед лицом реальной опасности произошло разделение монашества. Испрашиваемая выгода отделялась от монашеской жизни, и убежденные, часто фанатично настроенные братья и сестры предпочитали страдать за веру, а не подчиняться. Интересная информация об этом периоде содержится в жизни Стефана Нового (умер в 764 году). Он был написан всего через 50 лет после его смерти, что позволяет говорить о реальности описываемых событий. В «Жизни» рассказывается, что со всей империи святой, спасаясь

бегством в горах Малой Азии, стал собираться к монахам «обитателям пещер и обитателям гор», которые просили руководства и утешение в их несчастье. Стивен посоветовал им искать убежища в тех областях империи, которые не были захвачены иконоборческой ересью, «не находились под властью дракона и не подчинялись его сесловию». К этим районам он приписал северные склоны берегов Евксинского Понта, его прибрежные районы и пространства от Босфора, Херсона и Никопсиса до низменности Готии, Южной Италии, Малой Азии, острова Кипр, побережья Сирии и Палестины. Преследуемые монахи и сторонники почитания икон стали собираться в этих местах. «Византия пустынна, - говорит Жизнь, - как будто весь монашество было взято в плен. Некоторые плыли в Евксинский Понто, другие - на остров Кипр, другие - в старый Рим. »

Тем не менее, полное искоренение монашества не было частью намерений Константина V. Монастыри, которые поддерживали императора, оставались под контролем чиновников. Цель иконоборческой политики была в основном достигнута. Влияние городской элиты, белого и черного духовенства на население и официальную политику византийского двора ослаблено. В то же время борьба с поклонниками икон и волна репрессий привели к империи. Возникла опасность развала экономики, на которую опирались крупные городские хозяйства. По этим причинам борьба с иконостазами перестала быть актуальной. Поэтому в конце 8-го века, особенно под влиянием императрицы Ирины, начался процесс ослабления иконоборческой политики. Уже VII Никейский Вселенский Собор (787) собрал богословские свидетельства в пользу поклонения иконам и восстановил его в качестве основного курса. В результате дворцового переворота 15 августа 797 года Ирина была провозглашена самодержавной императрицей. Она способствовала росту власти монастырей, используя их

для создания больниц, больниц и приютов для бедных. Монастыри снова обеспечили существенные выгоды.¹¹

Тем не менее иконоборчество около 25 лет волновало империю. Теодор Студит в 819 году в письме «Разрозненным братьям» под заголовком «Объявление», касающемся возобновления иконоборчества, писал: [Византия] "... свергнул иго Евангелия, сбросил иго, как сумасшедшая женщина ... но Бог с нами, восток, запад, север и море". Окончательная реставрация почитания икон состоялась только в 842 году на местном Константинопольском соборе. Теперь светские власти и церковь обрушились на бывших союзников иконоборцев - на Павликов, представителей идей бедных классов. Провозглашенное еретиком, движение было подавлено 872.

События, связанные с борьбой иконописцев и иконоборцев, не ограничивались Константинополем и районом. Они оказали значительное влияние на общественно-политические процессы в отдаленных окраинах империи. С ними, вероятно, можно связать строительство ряда небольших монастырей в Таврике.

Крым VIII в. отличается этническим разнообразием. С одобрением власти Хазарского каганата на основной территории полуострова влияние Константинополя на провинции в Таврике было существенно ослаблено.

Как мы уже отмечали, преследуемые защитники икон знали о своей приверженности старым канонам на черноморских землях. Вы можете прочитать об эмиграции из Константинополя и Малой Азии в Жизни Стефана Нового, Теодора Студита, Иосифа Гимнописта, Иоанна Психонта, Стефана Сурожского и Иоанна Гоцкого. По археологическим материалам произошли изменения в этническом составе тауриков VIII - начала IX вв. Связанный со временем иконофобной эмиграции О.И. Домбровский, И.А. Баранов и другие исследователи, которые отмечают процесс строительства многочисленных поселений, укреплений, церквей и монастырей. Активная

11 Герцен А. Г. О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Таврики / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // Крымский музей. - Симферополь: Таврия, 1995. - Выпуск 1. - С. 7-12.

христианизация и рост влияния малых азиатских греков на культуру народов Таврика прослеживаются даже в изменившемся погребальном обряде.

Было достаточно причин для эмиграции иконописцев в такие отдаленные районы. В решении Совета 754 было сказано: «Если с того времени кто-то осмелится установить икону, или поклониться ей, или поместить ее в церкви, или в своем собственном доме, или спрятать ее, например, если тогда он будет свергнут епископом, пресвитером или диаконом, а если он монах или мирянин, то он будет виновен перед имперскими законами, поскольку он противостоит Божьим приказам и врагу отцовских догм. Кроме того, возможно, что агрессия мусульманских мусульман в районах Малой Азии способствовала переселению православных христиан в Таврику.

Приток христианских мигрантов на полуостров породил ряд, как правило, небольших монастырей. Можно предположить, что иконописцы Киновии в Крыму, начиная с середины VIII века, являются наиболее активными пропагандистами православного христианства, а также культуры нового, уже созревшего в Средней Византии и Малой Азии экономического порядка. Возможно, эти небольшие монастыри вполне отвечали идее Теодора Студита, который выступал за их полную независимость. Его теории были направлены на создание естественных монастырских хозяйств, которые являются самодостаточными и полностью независимыми от внешних условий. В одном из учений Феодора Студита (начало 9-го века) упоминаются различные группы ремесленников, живущих в монастыре: каменщики, плотники, художники, переплетчики книг, кузнецы, гончары, ремесленники и т. Д.

Эмиграция иконопатов в Таврику совпадает с укреплением Хазарского каганата на полуострове - политического и экономического соперника Византии, временем ослабления влияния империи на северные провинции и процессом установления ранних феодальных отношений. Осваивая

территорию, монашеские общины стали не только центрами проповеди и христианской культуры, но и не исключены и феодальными хозяевами.

В архитектурном плане монастыри представляли собой комплекс зданий, состоящих из культовых сооружений: храма, часовни, церкви крещения, гробниц, а также жилых и деловых помещений. К числу интересных нам памятников истории церкви VIII-IX вв. можно отнести, например, монастыри на юго-восточном седле горы Аю-Даг, Панея в Симеизе, Челтер-Кобу, на горе Окунь близ Судака, монастырь в Партените, основанный предположительно при Иоанне Готском, а также, как полагает В.Ф. Филиппенко, три монастыря в Инкерманской долине у устья Черной реки и, возможно, ряд других, которые требуют глубоких археологических исследований.¹²

Проблем с выживанием на территории Таврики у переселенцев, вероятно, не было. О богатстве флоры и фауны Крыма упоминают даже путешественники и авторы трудов XVIII в. Охота, рыбная ловля и собирательство на начальном этапе вполне могли удовлетворить братию, ограниченную обетами и многочисленными постами. Последующее развитие скотоводства, пчеловодства, земледелия и, в частности, выращивание злаков, винограда и овощных культур в относительно мягком климате способствовало росту благосостояния монастырей. Подробно состояние хозяйства раннесредневековых монастырей на примере Челтер-Кобы проанализировано в статье В.Н. Даниленко «Монастырское хозяйство в Крыму». С его выводами трудно не согласиться.

Вероятно, церковно-монашеская жизнь в Таврике 8-9 вв. не был лишен внутренних проблем. В начале IX. Архимандрит Готский обратился к Теодору Студите за разъяснениями по ряду вопросов в Константинополе. Теодор не только дал авторитетный ответ, но и отправил послание с аналогичным содержанием некоему «умирающему богом отцу и епископу

12 Даниленко В. Н. Монастырь Чильтер-коба: архитектурный аспект / В. Н. Даниленко // История и археология Юго-Западного Крыма. - Симферополь: Таврия, 1993. - С. 78-109

мистеру Филарету», иерарху Согдийской епархии, в котором говорилось, что «самое необходимое ... это мир, который не более полезен и который должен отличать избранных учеников Христа. «Следует предположить, что между священниками двух епархий были некоторые противоречивые проблемы. Кроме того, вероятно, возникли проблемы с соблюдением положений церковного закона. Из письма ясно, что преступления, совершенные среди монахов были переданы мирянам, то есть «дверь была открыта для тех, кто не должен вмешиваться в наши дела». В том же письме речь идет о нарушениях монашеских уставов. Ссылается на бездумное постриг и дисциплину в монастырях Таврики, Феодор Студит пишет: «И придумывать монашество - это то же самое, что совершать крещение. Однако они осмеливаются это делать, даже страшно об этом слышать ... Легкомысленное бегство из Киновея не должно быть принято другими братствами». чтобы все они имели взаимопомощь и согласие во всем и чтобы они не разрушали дела друг друга ». Судя по письму, были случаи, когда монахи уклонялись от «достижения примитивного монашеского положения ». жизнь »и, не желая подражать« небрежной райской жизни », они привели рабов в свой монастырь:« И иметь раба монаху в монастыре так же странно, как и иметь жену. "»

Отсутствие археологических свидетельств основания ряда монастырей в VIII-X вв. В настоящее время говорится только об одном - об отсутствии систематического изучения этих памятников. Сегодня по материалам публикаций Ю.М. Могаричева, можно с уверенностью согласиться только с фактом активного функционирования христианских монастырей в Горной Таврике в период X-XIV веков, который, по сути, никто не отрицает. Несомненно, истина восторжествует только после углубленного изучения памятников церковной археологии. Мы склонны придерживаться аргумента, приведенного в статье В.Ф. Филиппенко, характеризующийся Ю.М.

Могаричевым как «... повторение гипотез, Е.А. Паршина и И.А. Баранова ...»¹³

Итак, иконоборческая политика Византии VIII-IX вв. а агрессия арабов в Малой Азии вызвала приток иммигрантов к побережью Таурики, которые вместе с поселениями основали группу монастырей. Прежде всего, этот процесс затронул Юго-Восточный и Южный Крым, где влияние Херсонеса, придерживавшегося определенных этапов государственной иконоборческой политики, было менее выраженным. Этот вывод ясно виден в жизни Стивена Суружа, горячего сторонника почитания икон и Иоанна Готского. Таким образом, знаменосцы, вероятно, чувствовали себя более уверенно на землях, находящихся под контролем Хазарского каганата, чем в Херсонесе. Недаром монах Епифаний, посетивший Таврику в конце 8-го и начале 9-го веков, отметил, что «херсаки - предатели, и до сих пор они верны, они лжецы и их можно привлечь». каждому ветру.

Процесс заселения монашества в Горном Крыму, возможно, был медленнее, поскольку готические земли находились под влиянием Херсонеса. Здесь могут возникать небольшие монастыри, такие как монастыри Эрмитаж или Киновы, которые впоследствии стали основой для строительства более крупных общинных монастырей X-XIV веков. В.Ф. Филиппенко прав, отмечая, что «... вряд ли было бы правильно рассматривать церковно-монашескую жизнь Готии в период иконоборчества (и с нашей точки зрения, и всей Таврики) как движение в одном направлении, а именно: почтение икон к их отрицанию или представление их как территории, «наводненной фанатиками-иконопатами», или как региона с «сильными иконоборческими традициями».¹⁴ Иконоборческая политика не была стабильной и постоянной даже в самой Византии, где взгляды менялись вместе с императорами. На Южном побережье, в Юго-Восточном и Горном

13 Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма Ю. М. Могаричев // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. - Симферополь: Таврия, 1992. - С. 5-132.

14 Пиоро И. С. Крымская Готия / И. С. Пиоро. - К., 1990. - 200 с.

Крыму противостояние между двумя религиозными движениями было, вероятно, еще менее острым.

В VIII (?) - IX вв. в Крыму упоминаются епископы Боспорского, Херсонского, Готского и Сугдейского епархий, а в X в. - От корки до корки. По предположению некоторых исследователей, она изначально называлась епархией Ходзиров или Хазария. В раннем средневековье понятие «епископство» и функции епископов несколько отличались от современных. Ситуация со статусом епископов не совсем понятна. Главы Готики, Сугдея и Херсона в разное время называются епископами, архиепископами или даже митрополитами. И.А. Баранов считает, что церковное звание зависело от их политической и религиозной роли, а также от деятельности епархии в регионе. Давайте попробуем понять сложную церковную структуру того периода.

До середины VIII. все иерархи греческой церкви, известные нам в Таврике, упоминаются в звании епископа или митрополита. Более того, термин «митрополит» использовался только по отношению к иерархам Боспорского края, например, митрополитам Феофилу (325) и Иоанну (519). Не исключено, что в Босфоре также были кафедры так называемых епископов «Скифия», «Готия» и «Томитания», известные до 520 года. Эти регионы периодически упоминаются в связи с провинцией Боспоран. С середины восьмого века отдельные епископы Таурики стали называться архиепископами. Сан-митрополит по отношению к иерархам Таврической епархии, за исключением 839 г., не использовался до конца XIII в. Несомненно, различия в званиях епископов, упомянутых в церковных и светских источниках, не были случайностью. Церковные институты, по крайней мере к восьмому веку, уже имели четкую структуру, закрепленную в решениях советов. Как правило, «вольности» в протоколах соборов и других церковных документах не допускались¹⁵.

15 Тур В. Г. Высшие степени священства в средневековой Таврике / В. Г. Тур // Крымский контекст. - Симферополь: КАГН, 2001. - № VII. - С. 51-70

Стоит вспомнить истоки института епископских епископов и особенности их положения в христианской общине. Институт епископства известен с апостольских времен. Первоначально это были главы христианских общин в городах, «имеющих плодотворную связь через ряд рукоположений» с апостолами. Согласно учению св. Иоанн Дамаскин, «им была дана Церковь». Епископы, у которых было небольшое количество священнослужителей с одним, а затем с несколькими церквями в городе, непосредственно управляли несколькими общинами. Вернуться в III. В их обязанности входил личный контроль и управление стадом. Верующие, проживающие в сельской местности, посещали городские храмы. В случае отдаленных поселений священники освобождали себя в качестве епископов для богослужения или предоставляли постоянных старейшин. Только епископы обладали правом прощения публично раскаявшихся, освящением храмов (позднее эти права передаются пресвитерам) и правом освящения. Без их разрешения старейшины не могли совершать Евхаристию, крещение и помазание. Согласно правилу 39-го Апостольского, «пресвитеры и дьяконы ничего не делают без воли епископа, потому что люди Господа доверены ему, и он дает ответ об их душах». Что касается посвящения епископам, то согласно 1-му апостольскому правилу «епископ и два или три епископа снабжены», а согласно 39-му правилу III Карфагенского Собора для освящения требовалось не менее трех епископов и присутствие митрополита.¹⁶

Многочисленные требования к кандидатам на постройку третьей, высшей степени священства известны даже в Апостольских посланиях и систематизированы по апостольским правилам. Впоследствии они были официально закреплены и дополнены решениями Трулланского, I и VII

16 Тальберг Н. Д. История христианской Церкви / Н. Д. Тальберг. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001. – 518 с.

Вселенских, Неокесарийского и Лаодикийского соборов, а также рядом актов признанных авторитетов церкви.

Рост числа христианских общин уже во втором и третьем веках, необходимость решения множества религиозных, философских и организационных церковных вопросов требовали централизации и рационализации управления. Не исключено, что для этого «высшие» епископы выделялись среди своих сверстников.

Учитывая, что христианство было в первую очередь установлено в главных городах Римской империи и провинциях, христиане рассматривали епископов этих центров как старейших епископов. От центральных епископов новые районы отчепковывали, епископы которых были рукоположены из числа духовенства, воспитывались старейшими епископами, которые пользовались авторитетом среди верующих. Само это обстоятельство подразумевало их первенство среди равных. Соответственно, наиболее уважаемые иерархи из старейших епископов председательствовали в местных советах.

Институт митрополитов возникает только с созданием соборной системы управления церковью. Собственно, термин «митрополит» появляется в III в. одновременно с названием главных городов империи мегаполис. Уже на II Вселенском соборе (381 г.) пределы влияния отдельных епископов были приведены в соответствие с гражданско-административным делением империи, были определены права митрополитов различных категорий и правила Совета Халкидона (451) должны были называться столичными епископами. Их функция состояла в том, чтобы контролировать окружных епископов, созывать местные советы, разрешать спорные вопросы и жалобы на окружных епископов, определять порядок их судебного разбирательства и выступать в качестве апелляционного суда против епископского суда. Митрополит имел право рукоположить и контролировать рукоположение епископов. Без его писем священнослужители не имели права появляться перед императором. В соответствии с 9-м правилом

Антиохийского Собора (341 г.) митрополиты обязались следить за доходами епархии, объявлять или публиковать решения советов, указы императора и послания патриарха, а также как следить за их исполнением. В то же время митрополиты формально считались равными среди епископов и пользовались только преимуществами чести. Все важнейшие дела мегаполиса решались на местных советах.

Что касается статуса архиепископа, следует отметить, что в IV в. этот церковный титул был идентичен митрополиту. Доказательством этого являются решения Первого Никейского (325) и Первого Константинопольского (381) Вселенских Соборов, в которых подчеркивается их равенство в правах даже с экзархами и патриархами. После Трулланского собора (691–692 гг.), который уточнил статус патриарха, митрополита и пресвитера, первенство епископов автокефальных церквей, не относящихся к первым епископам Вселенской церкви, то есть патриархам, стало называться архиепископами. Впоследствии епископы Восточной Церкви получили статус архиепископа и епископов, чьи регионы были расположены на территории столичного округа, но были автокефальными по отношению к митрополиту и находились в прямой юрисдикции патриархов.

В Таврике VIII-XIV вв. Структура церковной иерархии не могла отличаться от принятой в Восточной Церкви. Учитывая, что на раннем этапе основная часть побережья и гор полуострова была провинцией Византийской империи или могла быть условно приравнена к захвату территории другим правителем, соответственно, и департамент митрополита или архиепископа мог только находиться в городе, который имперская власть и патриарх признали на этой территории столицы или важнейшего политического центра. Более того, вариант архиепископства, автокефальный по отношению к метрополии, здесь не уместен, поскольку, если мы проанализируем известный статус епископов до XIV века, не было бы случая, если бы существовал столичный департамент быть архиепископом отдел или две архиепархии будут существовать одновременно. Только с 1338-1340 гг.

Возникли условия, при которых три митрополита Константинопольского патриархата были созданы в Таврике. Таким образом, можно предположить, что в средневековом Таврике несколько епископов составляли автокефальную церковь, управляемую, согласно правилам, принятым на Совете Труллей, архиепископом, подчиняющимся непосредственно патриарху.

Наша информация о епископах средневековья носит фрагментарный характер и основана на жизнях святых, документах соборов, записях в Синаксар и некоторых церковных источниках, в которых говорится об участии в соборах, рукоположении или смерти епископы. Реже упоминается их деятельность. Поэтому, принимая во внимание дату из того или иного источника, необходимо учитывать, что избрание и освящение епископа проводились в течение длительного периода, и необходимо прибавлять как минимум несколько лет вперед или вычитать несколько лет назад до известной даты, в зависимости от исторического события. Затем в хронологическом порядке структура церковного управления в Таврике приобретает более или менее стройный вид.

Объединяя сведения об отделах и достоинствах иерархов с основными известными нам политическими событиями на полуострове, мы постараемся проследить реакцию Константинопольского Патриарха на них. Такой анализ в то же время позволит определить, как фактически переместился экономический и политический центр Таврики, отследить изменения в административно-территориальном делении полуострова.

Как мы уже отмечали, источники 4-6 вв. Митрополиты упоминаются только в Боспорской епархии, и было бы справедливо предположить, что именно епископы Боспора занимали руководящие должности в отношении Таврических епархий, которые впоследствии возникли в Херсонесе, Готии и Согдеа. Это еще раз подтверждает гипотезу о распространении христианства в Крыму через Босфор. Поэтому на ранних этапах было вполне естественно,

что епископ стал старшим из епископов, из духовенства которого начинали появляться руководители новых таврических епископов.¹⁷

В 6 веке при императоре Юстиниане I Босфор перешел под власть Византии и, вероятно, долгое время был его административным центром в Таврике. Это подтверждается возведением Иоанна, известного своими источниками в 519-536 годах, как митрополита, что полностью соответствует решениям Совета Халкидона, который определил место митрополита в центральном городе провинции. Херсонская епископия, возникшая не ранее начала IV в., была немногочисленной и, следовательно, впоследствии находилась под властью Боспорского епископа. Упоминается, что христианская община в Херсонесе еще в VII в. не оказал значительного влияния, он сохранился в письмах папы Мартина I. Что касается определенного епископства готики IV-VI веков, то возможно, что оно вообще не имеет никакого отношения к полуострову.

Хазарское нашествие на Таурику на рубеже 7-8 вв. и их переселение в степные, восточные, юго-восточные и предгорные районы полуострова не могло изменить положение в церковной иерархии. Босфор, вероятно, утратил свое политическое значение поддерживающего города империи в провинции. Вполне возможно, что именно в это время столичный департамент Босфора был ликвидирован, и управление стадом могло перейти либо к епископу Херсонесскому, либо к Согдею, отдел которого был основан в 715 году. В любом случае, на одном из Самым важным в истории христианской церкви Трулло является собор (691-692) из стада Таврика, единственный представительный подарок - Георгий I, епископ Херсонесский.

Представительство в Совете только одного епископа из Таврики в звании епископа уже подчеркивает отсутствие здесь автокефалии. Это связано с утратой основной территории провинции Византия, разрушением

17 Кубланов М. М. Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре (I-IV вв. н. э.) / М. М. Кубланов // Ежегодник музея истории религии и атеизма. - Выпуск 2.- М., 1958. - С. 57-68.

существующей административной системы и, соответственно, временным упадком влияния христианской церкви, связанным с оттоком верующих во Христа из захваченных местностей язычниками. В течение относительно короткого периода времени церковная администрация сосредоточена в руках епископа Херсонского. Небольшое по численности епископство Херсонеса, единственного города Византии, сохранившего относительную независимость от хазар, находилось под непосредственным контролем Константинопольского Патриарха. Византийский административно-территориальный и, следовательно, церковный округ, был ограничен в конце 7-го века. только Херсон и территории к нему. Со временем Боспорская епархия была восстановлена, поскольку в 787 году подпись решения VII Вселенского собора диакона Боспорской церкви была известна от имени епископа Андрея, а в 839 году Боспорская епархия управлялась митрополитом Херсонеса.

Интересно, что именно во время хазарского периода в Крыму мы впервые столкнулись с использованием термина «архиепископ». Среди известных согласно письменным источникам епископов Таврики упоминается архиепископ Сугдей Филарет, рукоположенный из духовенства св. Стефана.¹⁸ Несомненно, время его возведения было чуть позже смерти самого Стефана, то есть в конце 40-х годов. VIII в. Появление достоинства архиепископа свидетельствует о восстановлении автокефалии в Таврике. Возможно, что центром византийского движения станет не византийский Херсонес, а Сугдей, контролируемый хазарским каганатом. Как мы можем объяснить, что отдел старшего епископа находится на территории, находящейся под юрисдикцией императора?

К середине VIII в. Херсонес, с одной стороны, находился на пике экономического кризиса, «обнищал и опустошился», а с другой - находился в сфере абсолютного контроля со стороны имперской власти и поэтому

18 Могаричев Ю. М. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода» / Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов, А. К. Шапошников. – Симферополь: АнтикВА, 2007. – 348 с.

официально поддерживал иконоборчество. Сугдея хоть и была штаб-квартирой хазарского Тархана, но в лице св. Стефана и духовенства приобрел ореол центра защиты икон на полуострове. Перед иконоборческим собором 754 года Константинопольский патриарх Анастасий в епископе Согдийского мог видеть единственного надежного и авторитетного борца с ересью в Таврике. Кроме того, Сугдея уже был крупным торговым городом, политическим центром хазар на полуострове, судя по «жизни» святого Стефана, большой христианской общиной, юридически и политически независимой от правительственных чиновников Византии. Таким образом, экономическое значение Сугдея в Таврике и противодействие иконоборческой политике официальных властей могло привести к рукоположению архиепископов не епископа Херсонского, а сподвижника св. Стефана - Филарета, выдвинув на первый план его самого старшего среди равных¹⁹.

Однако после подавления конфронтации между иконопатами среди высших иерархов Константинопольской церкви превосходство среди Таврических епархий официально переместилось в Херсонес - единственный крупный центр империи в Северном Причерноморье, который сохранился до наших дней. под его контролем и вступил в следующую экономическую экспансию. Следует предположить, что здесь создается столичный департамент, который упоминается в 839 году, то есть вплоть до собора 843 года, который восстановил почитание икон. Более того, речь идет о митрополите Херсонском и наместнике Боспорской епархии. Учитывая, что христиане восточных областей Таврики могли поддержать православное руководство в церкви, как ясно указано в послании Стефана Нового, передача Боспорской епархии под непосредственным руководством

19 Тур В. Г. К вопросу о Сугдейской епархии / В. Г. Тур // Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы греческой культуры». - Симферополь: Симферопольский государственный университет; Крымский центр гуманитарных исследований, 1997. - С. 108-110.

Херсонского митрополита становится объяснимой.²⁰ Администрация Херсонеса как официальный центр Византии в Таврике была обязана придерживаться государственной политики, и поэтому мог существовать отдел епископа, который придерживался только иконоборческих взглядов. Оппозиция в середине VIII. Епископ Сугдей, восстание во главе с епископом готов, вероятно, вынудил патриарха ввести чин митрополита в Таврике, что позволило не только контролировать деятельность епископов, но и, не обращаясь к Константинополю, назначать священнослужителей, верных императорская власть и иконоборчество епископству.

В то же время может быть выдвинута другая гипотеза. Появление мегаполиса Херсона не обязательно может означать его старшинство по отношению к епископам Готики и Согдея, расположенным на территориях, находящихся за пределами юрисдикции византийского императора. Добавление к званию митрополита фразы «Боспорская епархия» могло означать установление херсонским епископом мелких епископств, которых нет в патриархальных документах. На самом деле, до IV в. Епископии возникли не только в центральных, но и в небольших городах районов и даже в деревнях. Только на Совете Лаодикии и Сардикии (соответственно правила 57 и 6) было запрещено «увеличивать количество епископов без особой необходимости и размещать епископов в небольших городах и деревнях». Потеря контроля над частью региона Византией, угроза раскола церкви сторонниками иконоборчества и почитания были достаточно вескими причинами для создания сети небольших епископов в Таврике, контролируемой херсонским митрополитом. Более поздним аналогом создания епископских отделов в деревнях является создание епископства в деревне Элиссос митрополитом Сугдейским в 1327 году с целью закрепления его за епархией. Более того, мы знаем об этом епископе только по переписке, связанной с территориальными спорами епископов.

20 Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес / А. Л. Якобсон // МИА. - № 63. - М., 1959. - 364 с.

Принимая во внимание, что после 839 г. Боспорская епархия не упоминается, можно предположить, что с середины IX в. как большая церковная единица, она была окончательно упразднена и управлялась пресвитером, что полностью оправдано снижением экономического и политического значения этого региона для империи. На рубеже XI-XII вв. Византия возвратила лишь значительно пустынное поселение, давно лишенное прежней власти. О «Боспорском пресвитере» упоминается в надписи на надгробии в Партените, датированной 906 г. Впоследствии Босфор подвергался неоднократным набегам захватчиков, ставшим частью Тмуараканского княжества. Что касается церковно-административного деления, то с конца XIII в. Этот регион, вероятно, был включен в мегаполис Зихия.

С 842 по 966 г. в известных нам документах упоминаются только иерархи Херсонской епархии в звании епископов. Напомним, что в 842 году икона почитания была официально восстановлена на местном Константинопольском соборе. Таким образом, ликвидация Херсонской метрополии может быть связана с необходимостью подавления противостояния сторонников различных догматических движений в церкви. В процессе борьбы иконоборцев и иконоборцев наметились тенденции разрушения организационного единства и предпосылки следующего раскола Восточной Церкви. Такая ситуация всегда была особенно опасна для сепаратистски настроенных периферийных регионов. Церковь уже имела исторический опыт, когда разрешение догматических споров в центре не означало устранения опасности раскола в пригороде. Например, армяно-григорианская церковь, ряд монофизитских и монофильных церквей откололись. Сепаратистские тенденции также, вероятно, будут сильными в этнически пестрой Таврике. В такой ситуации патриарх должен был максимально ограничить автономию периферийных епископий и управлять ими напрямую. Отсутствие информации о наличии Согдийской и Готской

епархий еще не является фактом ликвидации этих отделов в середине 9-го века, однако такая гипотеза может иметь место и вполне объяснима.

На рубеже IX-X вв. Начался активный процесс централизации управления в Византии, напрямую связанный с выходом государства из экономического и политического кризиса. В Херсоне местные органы власти разрушены. Еще в 833–834 годах здесь создается херсонская тема во главе со стратигом. Всеимперские тенденции не могли не затронуть церковные институты, занимавшие одно из ключевых мест во внутренней и внешней политике государства. К началу X в. Централизация церковного управления также достигла своего апогея. С укреплением империи на политической арене и в местной административной власти не было необходимости создавать промежуточные звенья управления. Можно предположить, что часть многочисленных автокефалий и мегаполисов была ликвидирована, а вся власть над духовенством была сосредоточена непосредственно в руках Константинопольского Патриарха и пяти высших епископских званий его окружения. С укреплением Византии в Таврических губерниях военно-административная власть стратигов, вероятно, распространилась не только на сам Херсон и его климат, но и на другие прибрежные поселения, включая, по крайней мере, к тому времени крупный торговый порт Сугдей. В течение столетия на территориях, находящихся под контролем византийской стратегии, епархиальное управление было сосредоточено в руках непосредственно только епископа Херсонского.

Что касается Готической епархии, мы склонны приписывать ее происхождение и первую стадию существования периоду иконоборчества. Нет оснований утверждать, что епископы Готии 4–6 веков упоминаются в источниках. связана с Готией Таврической. Епархия возникла в середине восьмого века. на территории, неподконтрольной Византии, под контролем иконописца св. Иоанна Готского, рукоположенного в Иберии, и, судя по «Жизни», выступал против иконоборческой ереси и, следовательно, официальной имперской власти. С восстановлением почитания икон в

качестве основного направления в 787 году на VII Никейском Вселенском Соборе (где монах Кирилл присутствовал от имени епископа Готского Никиты), указанная епархия до 1066 года не упоминалась в источниках. Не исключено, что впоследствии не только эта территория возвращается под контроль херсонских стратиггов в виде так называемых климатов, но и стадо переходит под руку херсонского епископа. Это была ликвидация отдела готического епископа в конце VIII века. может вызвать спор между готами и херсонскими митрополитами о владении приходами в ряде населенных пунктов Южного побережья Крыма (Сикиты, Партенит, Лампаса, Алуста, Фуны, Алания) в конце 13 века.

Несмотря на то, что Херсон на рубеже IX-X вв. пережив период своего следующего подъема, его можно рассматривать только как важный военно-политический оплот в Таврике. ²¹Небольшое возрождение транзитной торговли, в первую очередь с печенегами и славянами, не означало возрождение былого значения города как экономического и культурного центра. С 966 по 1276 год в церковных документах снова упоминаются двенадцать епископов Согдийской епархии, и десять из них имеют звание архиепископов. Параллельно упоминаются иерархи Херсонской и восстановленной, вероятно, не позднее 1066 г. готической епархии. С 10-го века, по мнению И.А. Баранова, в Восточном Таврике создана новая епархия - Ходзиров. Таким образом, во второй половине X в. На полуострове вновь возрождается автокефалия, в которой высшая роль отводится епископам Согдийской епархии. Возрождение архиепископского отдела в Сугдее и, соответственно, общая автокефалия таврических епископов совпадают со временем разгрома Хазарского каганата, ослабления половецкой военной активности на полуострове и усиления влияния в регионе Киевской Руси. , Отдел архиепископа в Сугдее упоминается сразу же после разгрома хазар в

21 Зубарь В. М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом / В. М. Зубарь // Византийская Таврика. - К., 1991. С. 8-29.

965 году князем Святославом. Вероятно, только с этого времени крупный экономически развитый торговый город, известный далеко за пределами Таврики, выходит из-под юрисдикции уже не существующей Хазарии и, наконец, попадает под контроль византийской администрации. Можно предположить, что Херсон как официальный провинциальный центр и своеобразная военная база империи уже во второй половине 10 века. потерял свое значение как экономический и культурный центр. К этому остается добавить известную осаду и взятие Херсона князем Владимиром в 989 году, что не могло не усугубить нестабильную ситуацию.

1.2 Изменения в церковной иерархии средневековой Таврики

Вопреки традиционно установленной точке зрения, можно предположить, что экономический и культурный центр Таврика Сугдей становится не в XI веке, а уже во второй половине X века. Только этим можно объяснить создание здесь кафедры архиепископа, которая, в соответствии с церковными правилами, находилась в центральном городе графства или провинции. Церковные институты управления всегда чутко реагировали на малейшие политические и экономические факторы, что позволило христианству не только закрепиться на огромных территориях, но и постоянно расширять свое влияние. Возможно, были и другие, до сих пор неизвестные нам причины смещения центра провинции в Сугдей в конце 10-го века.

За время существования архиепископского отдела в Согдее исключение составляют только епископ Арсений (участвовавший в соборах патриарха Алексия в 1025-1043 годах) и епископ Николай, упомянутый в 1237 году. Исторические события находят движение епархии в указанное время.²²

С 20-х годов. XI век. к 40-м годам XII в. Архиепископы рукоположили епископов готической епархии. Можно с уверенностью утверждать, что причиной этого была, прежде всего, активизация кочевников и угроза их нового вторжения. В 1050 году половецкие полчища вторглись на территорию полуострова. Район, контролируемый Византией, значительно сокращен. В очень

Херсонес отмечен частой сменой стратиггов и даже восстаниями населения. Влияние стратиггов было настолько слабым, что во время восстания в Херсонесе в 1066 году император Михаил VII Дука был вынужден обратиться за военной помощью к князю Всеволоду, который

22 Герцен А. Г. О возникновении Готской епархии в Таврике / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // МАИЭТ. - Симферополь: Таврия, 1991. - № 2. - С. 119-121.

послал войска в Херсон в 1073-1074 годах. Сугдея также на некоторое время впала в экономический спад. В первой половине XII в. Арабский историк Элейн назвала ее маленьким кипчакским городом.

С другой стороны, укрепление городов и феодальных центров Горной Таврики должно было способствовать временному перемещению экономического и политического центра в регион. Эти территории легли в основу готической епархии. Исходя из правил Совета Халкидона, предусматривающих расположение архиепископа автокефалии или митрополита в центральном городе провинции или региона, можно предположить, что центром автокефалии в Таврике с 1066 по 1147 гг. Мог стать Мангуп. или Эски-Керман. Более того, время переноса архиепископского отдела в Готическую епархию совпадает с периодом активного строительства пещерных церквей и монастырей в этом районе.

Со временем половцы, как и их предшественники, оценили заслуги Сугдея. Город был снова возрожден из пепла, и кафедра архиепископа возвратилась в Сугдей.

Ликвидация архиепископского отдела в Сугдее в 30-х гг. XIII век. также оправдано историческими событиями. Восточные районы Таврики, возникшие из-под власти Византии на рубеже 12 и 13 веков, были захвачены новыми захватчиками: турками-сельджуками (1222) и татарами (1223, 1238, 1248-1249). Кроме того, город находился в сфере влияния Венеции, которая выступила союзником крестоносцев против Византии, а это значит, что он был на стороне сил, враждебных Константинопольскому патриарху. В комплексе это на короткое время предопределило следующее падение Сугдея как центра православной христианской церкви в Таврике. Херсон, уже с XI в. потерял свое значение как политический и экономический центр, также не мог претендовать на роль центра Таврической автокефалии. Поэтому, несмотря на отсутствие источников, архиепископский отдел в период с 1237 по 1274 год, если таковой вообще существовал, следует снова искать в Готической епархии, на территории которой было создано княжество

Феодоро. Косвенным подтверждением этому является новая волна активизации строительства пещерных храмов и монастырей Юго-Западного Крыма в XIII-XIV веках.

С 1274 года кафедра архиепископа снова была восстановлена в Сугдее. Архиепископ Феодор Сугдейский (1274-1283) упоминается в архиерейском и церковном архивах. Уже в 1275 году Сугдея стала первым мегаполисом, а глава епископа Феодор был избран старшим среди епископов Таврики. Можно предположить, что Феодор достиг такого высокого личного положения, а также повышения чина самого епископства благодаря поддержке рукоположенного патриарха Иоанна Векки, сторонника союза с Латинской Церковью. Это обстоятельство на фоне растущего влияния венецианцев, а затем и генуэзцев в Таврике может сыграть решающую роль в определении статуса епископского отделения Согдийской области.

Ссылаясь на название епархии, следует отметить, что упоминалось в начале XIII в. Никита - архиепископ Сугдей и Фулл - указывает только область, где жила община, контролируемая епископом. Ничто прямо не говорит о епархии Фулла. Если бы такое епископство существовало раньше, это было бы отражено в официальных письменных источниках, как, например, в 787 и 839 годах, когда речь шла о епископах.

Херсон, правители Боспорской епархии. В этом случае четко указывается наличие Боспорского епископства как структурного церковного подразделения. И.А. Баранов, опираясь на ряд предыдущих исследований, предполагает, что ранее существовавшая епархия Ходзирова была переименована в полную епархию. Таким образом, либо Ходзирова епархия была упразднена и впоследствии часть ее территории и стадо стали частью Согдийской метрополии под новым названием, либо новое епископство было основано митрополитом Согдийским Феодором, как, например, епископ Сугдей Лука позднее рукоположен в 1327 году в деревне епископом Элиссосом. Более того, следует отметить, что епископ Сугдо-Фульский нигде не упоминается, а речь идет только о епископе в звании

архиепископа или митрополита. Указанное достоинство, как мы отмечали выше, подразумевает старшинство между епископами и право рукоположить епископов. В 1283 году епархии Сугдея и Фуллы были разделены (в списке епископов они называются номерами 32 и 36 соответственно), но уже в 1322 году они снова были объединены под контролем архиепископа Иоанна. Из этого следует, что епархии изначально не были объединены, и епархия Фулла, отделенная от Согдийской архиепархии или метрополии и, за исключением указанных 45 лет, продолжала оставаться ее структурной единицей.

В 1292 году столичное ведомство было вновь упомянуто в готической епархии. Это было связано с укреплением княжества Феодоро, чьи правители оставались верными православной церкви, обострением экономической ситуации в Сугдее, вызванным борьбой Генуи и Венеции за торговые пути на Черном море, а также растущая междоусобная борьба в Орде. Исход сложной политической ситуации в конце XIII в. набеги татарских войск закалили ногайцев в 1299 году, телектемир и узбекский апокриар стали в 1322 году, сопровождаемые разграблением христианских храмов и их разрушением. Кроме того, в период 1308-1338 гг. Сугдея выдержал как минимум пять крупных набегов татарских полчищ. Важную роль в ослаблении роли Сугдейской епархии как центра православной церкви в Таврике сыграла близость к городу развивающегося татарского административного центра - Солхата, активное проникновение ислама в регион. Именно в это время передача христианских общин ряда населенных пунктов Сугдея под юрисдикцию митрополита Готии, которая вызвала последующие споры о границах епархии и жалобы епископа Сугдея 1317-1318 годов, датируется по времени к Константинопольскому Патриархату.²³

23 Байер Г. В. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зикхии по данным просопографического лексикона времени Палеологов / Г. В. Байер // Византия и средневековый Крым. - Выпуск 27. - Симферополь: Таврия, 1995. - С. 65-76.

Таким образом, в 12 и 13 веках, несмотря на падение в регионе политического значения Византии, структура церкви в Таврике не претерпела существенных изменений. Епископы полуострова, объединенные под контролем архиепископа или митрополита, продолжали сохранять статус автокефалии по отношению к Константинопольскому Патриархату. Однако из-за постоянно меняющейся экономической и политической ситуации в регионе, отдел старших епископов постоянно перемещался. Центр автокефалии определил город, который отличался экономической и политической стабильностью, высоким уровнем развития и политического влияния, а также, вероятно, значительным христианским населением. В течение этого периода бывшее административное деление Византийской губернии и соседних государственных объединений было разрушено, а новое не было сформировано. Был активный процесс начального формирования феодальных государств, сопровождавшийся территориальной раздробленностью и нестабильностью в регионе. В таких условиях церковная иерархическая структура оказалась более гибкой, и на определенном этапе епархиальные власти, вероятно, заменили светские институты управления, по крайней мере, для христианского населения. Что касается движения архиепископских и столичных департаментов, то оно отражает весь спектр социально-экономической и политической ситуации на полуострове, дает ответ, в какие центры и в какое время, с точки зрения Константинопольского патриарха, можно считать реальными центрами экономики, политики и культуры в Крыму.

Только к середине XIV в. политическая ситуация на полуострове относительно стабилизировалась. К этому времени четко определены три основных политически независимых региона Крыма: прибрежные города, укрепления и поселения, контролируемые венецианцами, а затем генуэзцами; княжество Феодоро с поселениями на южном побережье; Предгорье, степь и Восточный Крым контролируют ханы крымской юрты (позже - Крымское ханство).

Православное население Крыма, объединенное в епископов Сугдея, Готики и Херсона, соответственно, также оказалось в разных социально-экономических и политических условиях. Преобладающая система управления епископами в Таврической автокефалии больше не соответствовала политической ситуации. Учитывая, что священнослужители того времени более или менее участвовали в светском правительстве, выполняли отдельные судебные и контрольные функции, владели земельными участками и землями, выступали в качестве представителей православного населения перед главами феодальных государств, их влияние могло распространяться только на паству, проживающих в этих штатах или государственных объединениях. Духовные и судебные власти, например, епископ Готской епархии, охватывающий главным образом территорию княжества Феодоро, не могли обращаться к жителям генуэзских поселений, живущим по своим собственным уставам. Более того, вмешательство в дела конгрегации соседней епархии можно рассматривать как вмешательство в дела соседнего государства. Не исключено, что споры между епископами епископов относительно владения уже упомянутыми пограничными сельскими общинами городов Элиссос, Кинсан, Сикита, Партенит, Лампас, Алуста, Фуна и Алания, которые Патриархи Константинополя должны были разрешать повсюду 1376–1390 гг. являются отражением процесса формирования политических границ между регионами.

В связи с новым территориальным делением полуострова, в соответствии с церковными правилами, структура церковного управления в регионе изменилась. Начиная с 1338-1340 гг. Во всех трех епископах созданы отделы митрополитов. С одной стороны, это упорядочило систему церковного управления в Таврике, позволило устранить спорные ситуации в рамках прежней автокефалии, подчиняя каждого из митрополитов непосредственно патриарху Константинопольскому. С другой стороны, достоинство главы метрополии позволило каждому из равноправных епископов епископов соседних государств проводить более гибкую и

эффективную религиозно-церковную политику с учетом местных законов, традиций и обычаев для защиты интересов православной паствы и удовлетворения ее религиозных потребностей, для создания церковной инфраструктуры в пределах мегаполиса. Повышение статуса епископов не означает увеличение числа христиан, а лишь отражает изменение политической ситуации и административного деления²⁴.

Несмотря на традицию размещения отделов в центральных городах районов в Константинопольском Патриархате, отделы мегаполиса, вероятно, остались в бывших центрах епископства. Таким образом, только кафедра митрополита Готского совпала с новыми административными центрами. В любом случае это косвенно подтверждается текстом надписи, в которой говорится, что в 1427 году Дамиан, митрополит города Феодоро и всей Готии, восстановил базилику Петра и Павла в Партените. Любые упоминания о перемещении отделов митрополитов Сугдея и Херсона в новые административные центры XIV-XV вв. неизвестно. Погребение в 1339 году в Кафе митрополита Сугдея Луки, несомненно, не может свидетельствовать о движении кафедры. Можно только предположить, что на позднем этапе расположение центров Таврического мегаполиса традиционно сохранялось и определялось не столько политическими интересами Византии, сколько она жила в последнее десятилетие, но этническим составом и концентрация православного населения. После того, как Османская империя захватила Константинополь в 1453 году и Крым в 1475 году, административное деление снова изменилось. Феодоро и генуэзские торговые посты прекратили свое существование. Территория Крыма находилась в одном государстве под контролем султана. Крымское ханство, которое еще не сформировалось как самостоятельное государство, превратилось в вассала Османской империи. Что касается греческой

24 Баранов И. А. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи / И. А. Баранов, Е. В. Степанова // АК. - Симферополь: Крымский филиал Института археологии НАН Украины, 1997. - № 1. - С. 83-88.

православной церкви, то после территориального объединения Крым в XV в. необходимость церковного разделения полуострова на три метрополии исчезла. Кроме того, православная церковь быстро утратила свои позиции перед исламом. В результате здесь сохранился только один отдел митрополита Готского, существовавший до присоединения Крыма к России.

Резюмируя сказанное, можно представить, как изменения в иерархической церковной структуре средневековой Таврики отразили политические и социально-экономические события того времени.

1. Наличие нескольких епископий и рукоположение одного из равных архиереев в сан архиепископа или митрополита позволяет предполагать наличие в Таврике с 40-х гг. VIII в. по 842 г. и с 966 г. по 1347 г. церковной автокефалии.

2. До 536 г. старший среди равных архиереев занимал кафедру епископии Боспорской. Таким образом, административным центром Византии в Таврике до середины VIII в. являлся Боспор.

3. В период иконоборчества изменения в церковной иерархии Таврики могут объясняться двумя гипотезами:

— в 40-х гг. VIII в. кафедра архиепископа первоначально учреждается в независимой от византийской администрации Сугдее, придерживающейся ортодоксальных взглядов. Только после поражения иконоборцев на поместном Константинопольском соборе 842 г. епископии Сугдейская и Готская подчиняются архиерею Херсонскому, произведенному в сан митрополита и представляющему теперь интересы иконопочитателей в Таврике;

— епископии Сугдейская и Готская остаются независимы по отношению к иконоборческому патриархату, а учреждение кафедры митрополита Херсонского в 839-842 гг. означает создание подконтрольной Константинополю автокефалии на управляемых императорской администрацией землях, в противовес существующим иконопочитательским епископиям.

4. После восстановления иконопочитания, на рубеже IX-X вв., Сугдейская и Готская епископии могли быть упразднены (во всяком случае, не упоминаются в источниках), и церковное управление сосредотачивается в руках Херсонского епископа. Это отражает государственные и церковные тенденции к централизации управления, совпадает с ликвидацией органов самоуправления в Херсоне и установлением власти стратига во всей провинции. Не исключено, что централизация церковного управления в Таврике была предпринята с целью подавления сепаратистских тенденций на периферии, которые могли возникнуть из-за догматических разногласий.

5. Анализируя имеющиеся источники, можно предположить, что Готская епархия имеет два периода существования.

Первый период: епархия возникает не позднее 741 г. и существует по 787 г. Ее учреждение непосредственно связано с деятельностью св. Иоанна Готского и иконопочитательским противостоянием центру части клира и паствы. Епископия ликвидируется в 787 г. одновременно с признанием иконопочитания как официального течения на VII Никейском Вселенском соборе.

Второй период: епархия учреждается на рубеже X-XI вв., что совпадает прежде всего с разгромом Хазарского каганата, усилением влияния в регионе Киевской Руси и назревающим вторжением половцев. Кроме того, причиной воссоздания епархии могло стать возникновение крупных феодальных владений в Горной Таврике и укрепление нового политического центра в Мангупе.

6. Причиной споров между архиереями Херсонской, Сугдейской и Готской митрополий и противоречивых решений патриархов Константинопольских Нила Керамевса и Макария в XIII в. о подчиненности паствы ряда южнобережных поселений (Элиссоса, Сикиты, Партенита, Лампаса, Алусты, Фуны, Алании) могла стать вышеупомянутая ликвидация на рубеже IX-X вв. Готской и Сугдейской епархий с последующим

переходом общин под руку Херсонских архиереев. Последующее возрождение епархий, естественно, вызвало территориальные споры.

7. Учреждение архиепископской кафедры в Сугдее не позднее 966 г. и ее существование здесь до начала XIII в. означает признание Византией со второй половины X в. данного города центром Таврической провинции. Херсонес, вероятно, оставался только военно-стратегической базой и ставкой стратига. Кратковременные перемещения кафедры архиепископа (позже - митрополита) в Готскую епархию совпадают, а значит, связаны только с обострением политической ситуации из-за чередовавшихся вторжений на полуостров очередных захватчиков.

8. Учреждение в Таврике Сугдо-Фульської епархии не означает слияния двух епископий. Можно предположить, что Фульська епархия возникла как составная часть Сугдейской епархии. Не исключено, что данная епископия могла быть учреждена на месте части упраздненной епархии Ходзиров. В таком случае архиепископ или митрополит Сугдеи, как рукоположивший епископа Фульського, являлся по отношению к нему старшим. Аналогичная ситуация возникает с рукоположением Сугдейским митрополитом епископа селения Элиссос. Таким образом, упоминаемая епархия Фульська в 1283-1328 гг. (судя по номеру в списке епархий, ниже по рангу, чем Сугдейская) могла на время отпочковаться, например, в связи с выделением города как центра самостоятельного феодального княжества. Во всех остальных случаях начиная с 1158 г. название епархии Сугдо-Фульська (а не наоборот) означает первенство Сугдеи и, возможно, территориальную зависимость от нее Фулл. Следует учесть, что в 1347-1369 гг. архиерей Евсей упоминается как митрополит Сугдеи и Гипперии. О местонахождении указанного населенного пункта — Гипперии, как, впрочем, Фулл и Элиссоса, нам остается только догадываться, но данные названия подчеркивают то, что на территории Сугдейской епископии учреждались более мелкие, подконтрольные архиепископам или митрополитам, епископские кафедры. Не исключено, что такая же структура была и в

остальных епископиях Таврики. Отсутствие сведений о мелких епископиях объясняет лишь то, что главы этих епископий непосредственно не участвовали в патриарших соборах и их интересы представляли старшие архиереи.

9. Учреждение кафедры митрополита Сугдеи в 1275 г. при архиерее Феодоре могло быть связано с занятой им позицией унии с Латинской Церковью, что должно было способствовать улучшению отношений с администрацией венецианских и генуэзских факторий на территориях, входивших в состав всех трех епархий и прежде всего Сугдейской.

10. Ликвидация предполагаемой нами автокефалии в Таврике и учреждение в конце XIV в. трех равноправных митрополий совпадает с наметившимся более четким территориальным разграничением в Крыму между княжеством Феодоро, генуэзскими колониями и Крымским юртом. Захват Османской империей в 1475 г. территории Таврики и, соответственно, ее объединение послужили причиной ликвидации двух митрополий и объединения паствы под духовным управлением Готского митрополита, представлявшего интересы православных христиан перед султаном и крымским ханом.

Предложенные нами выводы являются лишь гипотезой, построенной на основе немногочисленных источников, и, бесспорно, требуют дальнейшего уточнения. Тем не менее, касаясь темы наших исследований, они достаточно подробно иллюстрируют епархиальную структуру церкви в средневековой Таврике. Во всяком случае, перемещение епархиальных центров имело непосредственное влияние на время и место возникновения монастырей, бесспорно к ним тяготеющих.

Итак, мы остановились на том, что некоторые монашеские общины, возникшие в Таврике, спасавшиеся от иконоборческого гнета, а также часть христианского населения не признали Константинопольского Патриарха и представителей официального правительства в Херсонесе. Это может быть одной из причин строительства первых монастырей за пределами

административного центра, то есть на землях, подконтрольных Хазарскому каганату или находящихся под ослабленным контролем Византии. В то же время стремление к безопасности на политически нестабильных территориях требовало строительства монастырей в природоохранных зонах. В то же время был также использован опыт строительства ячеек и других помещений, вырубленных в труднодоступных породах, который был широко распространен в Малой Азии. Такие сооружения не могли защитить от разрушения, например, во время военных походов хазар, когда было разрушено много крупных поселений в VIII-IX веках, но они вполне подходили для защиты от грабителей, которые всегда сопровождали нестабильную ситуацию. Для населенных пунктов этого периода также характерно строительство примитивных укрытий и отток населения в отдаленные горные районы. Параллельно отмечается временный спад в экономике и регресс культуры. Даже отдельные церкви создаются в естественных пещерах, отличающихся скромными размерами и «архитектурными страданиями». В то же время, по примеру Византии, в густонаселенных районах создаются монастыри раннего средневековья. Причинами этого являются стремление к безопасности, возможность активной проповеди, экономические интересы. Окрестности с крупными населенными пунктами позволяли регулярно получать доход в виде платы за различные потребности, от торговли и ремесел, до развития сельскохозяйственного производства.

Что касается причин концентрации монастырей на территории Южного и Горного Крыма, в первую очередь следует отметить: доминирующую христианскую веру среди населения; недоступность региона и его естественная безопасность от набегов кочевников; активное развитие феодальных отношений, что позволило получить поддержку от местных правителей; способность иметь значительную собственность на землю в отдельных долинах. Кроме того, в поздний период монастыри были сосредоточены в штате Феодоро, князя и население которого традиционно

придерживалось православной веры, что на фоне язычества, активного утверждения ислама, а в генуэзских колониях - влияние Римская церковь имела решающее значение.²⁵

Следует отметить, что в Крыму был еще один район концентрации православных монастырей с центром в Судаке. Христианство, господствовавшее здесь с периода иконоборчества, не потеряло своего влияния в X-XIV веках. В Восточном Крыму вторжение кочевых волн, несомненно, оказало серьезное влияние на этнический состав населения, и, кроме того, византийские позиции здесь были не такими сильными, как в Херсоне. Но в то же время развитие крупного торгового центра средневековья, связывающего страны Средиземноморья с кочевыми народами Северного Причерноморья, Средней Азии и России, обеспечение преференциальных условий торговли для Генуи византийским договором в 1169 г. способствовал не только интенсивному развитию этого края, но и распространению христианства. К сожалению, в отличие от Южного и Юго-Западного Крыма, этот регион плохо изучен в археологическом отношении, но даже имеющаяся информация свидетельствует о том, что в епархии существует мощный религиозный центр.

В настоящее время в непосредственной близости от древнего города мы исследовали монастырь VIII-XIV веков. На горе Пер-Тан. Во время археологических исследований мы обнаружили там еще два монастыря. К сожалению, И.А. Баранов не успел завершить исследование крупного монастыря указанного периода на мысе Димитраки. По ряду субъективных причин мы также до сих пор не имели возможности продолжить исследования этих участков в Судаке, чтобы завершить работу, начатую И.А. Баранова, и детально исследуйте монастыри, обнаруженные в течение многих лет визуальных археологических исследований на одной и той же

25 Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма Ю. М. Могаричев // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. - Сииферополь: Таврия, 1992. - С. 5-132.

горе Окунь, в Долине роз, в Анастасиевке, на горе Ай-Джордж, с южной и восточной стороны горы Сокол, в долине Кызыл -Tash. В целом, даже проведенные исследования свидетельствуют о большой концентрации религиозных зданий и монастырей как в самом Судаке, так и в его окрестностях. Более того, православное духовенство и монастыри пользовались защитой консулов гетуэзских колоний.

Что касается Боспорской епархии, то здесь, за редкими исключениями, никаких исследований средневековых христианских памятников вообще не проводилось. Раскопки монастыря на горе Сюрю-Кая (Карадагский природный заповедник) из-за не зависящих от нас обстоятельств также пришлось прекратить, а дата его основания оставалась неясной. В то же время о присутствии монашества в Босфоре свидетельствует текст надгробия, найденный в 1884 году в Партените. Вероятно, монах из Босфора позаботился о памятнике Авве из монастыря Партенит Никиты, который умер в 906 (907). Надпись заканчивается словами: «Помолись, отец, за твоего сына Николая, монаха и пресвитера с Боспора, да помилует меня Бог».

Итак, какими были монастыри X-XIV вв. в таврике? Прежде всего следует отметить, что в Крыму существовало два типа монастырей: крупные монастыри-феодалы, вероятно, напоминающие аббатства и характерные для феодальной Западной Европы, и многочисленные мелкие кинонцы.

С определенной степенью уверенности, только церковно-феодальные комплексы в урочище Бойка и на мысе Аю-Даг могут быть отнесены к первой группе монастырей. Бойка (IX-XV вв.) Представляет собой отдельный горный массив между истоками р. Бельбек и р. Kokkozki. Охраняемая территория составляет 225 кв. км Доминирующее положение занимает храм Спаса на горе Сотер. Расположенные вокруг шесть населенных пунктов были объединены в закрытое наследство. Оборонительные сооружения Бойки представлены стенами, блокирующими горные перевалы, двумя укреплениями на южной оконечности хребта Курушлюк и рвом, пересекающим перешеек, соединяющий Бойкой с Ай-

Петринской Яйлой. Второй комплекс на мысе Аю-Даг (предположительно, монастырь святых апостолов - VIII-XIV вв.) Расположен между селами Партенит и Артек. Возможно, он был основан Джоном Готами. Периметр горы до 30 км. На его территории были обнаружены фундаменты нескольких церквей XII-XIV веков, следы поселений и оборонительный комплекс, состоящий из трех линий барьерных стен и укреплений на вершине горы.

Основная же группа монастырей Таврики представлена небольшими киновиями или скитами, насчитывавшими от 3 до 10-14 иноков. Киновитная форма пустынножительства была наиболее характерной для византийского православного монашества. Компактное расположение обителей в средневековой Таврике (например, монастырские комплексы Мангупа, включая Челтер-Кобу, Челтер-Мармару и Шулдан, комплекс киновий в Инкермане и на горе Перчем под Судаком) дает основание предположить, что в средневековом Крыму практиковалось объединение нескольких киновий под управлением киновиярха (старшего аввы). Такая форма управления, как мы отмечали, сложилась еще при Пахомии Великом и получила широкое распространение на православном Востоке. Киновиярх был обязан наблюдать за жизнью в киновиях, представлять в своем лице высшую монастырскую власть. Обычно киновиярх был в сане архимандрита.

Глава II. Пещерные города и церкви Таврики

2.1 Мангуп

Среди искусственных пещерных сооружений поселения Мангуп особый интерес представляют комплексы религиозного назначения. Первое упоминание о них относится к концу XIV века. Иеромонах Матфей в «Описании города Феодоро» рассказывает о дворцах и кельях, высеченных в скале (Mercati 1927; Васильев 1936; Bayer 1995). Швейцарский путешественник Дюбуа де Монпере, посетивший Мангуп в 1834 году, дал в атласе иллюстраций к описанию своей поездки по Крыму довольно точный план одного из внутри скалистых комплексов монашеского характера, расположенного около вершины в юго-восточная пропасть мыса Тешкли-бурун (1843).

Более отрывочные сведения о пещерных храмах Мангупа содержатся в работах И. Андриевского (1839 г.), Д. Струкова (1876 г.), Н. Никольского (1893 г.), В. Кондараки (1872 г.), А. Берти-Делагар (1918 г.) и другие авторы.

Началом археологического изучения этих памятников можно считать экспедицию под руководством Р. Леперова 1912-1913 гг. (1913; 1914) подметают так называемую «гарнизонную церковь» на мысе Тешкли-бурун, церковь южного монастыря и церковь в овраге Табана-Дере.

В 1938 году экспедиция ГАИМК провела обследование пещерных сооружений Мангупа. Затем Э. Веймарн строил планы по созданию пещерных комплексов на оконечности мыса Тешкли (Веймарн, 1953). Вне цитадели на скале возле мечети Святого Баязида он расчистил двухкамерный пещерный комплекс с двумя принадлежащими ему склепами.

В 1967 году Э. Веймарн возобновил работу над Мангупом, проводимую Институтом археологии Академии наук Украинской ССР, Бахчисарайским историко-археологическим музеем (БИАМ) и Крымским государственным педагогическим институтом. В 1969-1970 гг. М. Хорэф и А. Герцен во время исследования склонов обнаружили небольшой монастырь в

естественном гроте, расположенный у подножия скалы под двухкамерным комплексом, разведанным в 1938 г. ²⁶(Веймарн и др., 1974). , В 1971 году группа из той же экспедиции во главе с М. Хорегом провела раскопки в южном пещерном монастыре, расположенном в естественном гроте на плато пропасти (Архив БГИКЗ). Этот комплекс известен с начала XIX века. благодаря храму с фресковой росписью (Архив ИМК; Грабарь 1966).

В 1973 году во время работы совместной экспедиции ИА АН УССР, БИАМ и Симферопольского государственного университета (СГУ) под руководством Е. Веймарна, И. Лободы (БИАМ), раскопки проводилась наземная часть «гарнизонной церкви», где резали гробницы и остатки наземных домов, которые перекрывали церковь в турецкое время (XVI - XVIII века) (архив БГИКЗ).²⁷

В 1975 году экспедиция СБУ исследовала северный пещерный монастырь, расположенный на западном склоне мыса Чуфут-Чарган-разрушитель на стыке обрыва восточного фланга оборонительной стены в ущелье Табана-Дере (укрепление А XI). Под руководством Ю. Воронина, возле пещерного храма были проведены раскопки, убраны внутренние скальные участки, проведены архитектурные замеры.

В монографии А. Герцена и автора этой работы была обобщена вся информация о скальных храмах Мангупа и обнаружены новые (Герцен, Могаричев, 1996). Эти данные легли в основу этого раздела.

Наибольшая концентрация христианских культовых сооружений наблюдается на мысе Тешкли-Бурун и в его непосредственной близости.

Характеристика памятников начнется с так называемой «гарнизонной» церкви.

26 Веймарн Е. В. «Пещерные города Крыма» / Е. В. Веймарн // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992. - С. 163-168.

27 Веймарн Е. В. Указ.соч.- С. 170

«Гарнизонная» церковь расположена на краю юго-восточного обрыва у вершины мыса Тешкли-бурун. Вероятно, храм был вырублен в скале в тот же период, что и другие внутрикаменные комплексы на территории цитадели.

Как отмечалось выше, памятник был впервые раскопан в 1912 году экспедицией Херсонесского музея. Помещение было покрыто до верха землей и заросло кустарниками (Lepet 1912). В 1973 году экспедиция крымского отделения ИА Академии наук Украинской ССР, Бахчисарайского музея и СумГУ провела исследования вокруг храма (руководитель работ - И. Лобода). Обнаружено 9 могил (Веймарн, Даниленко, Герцен, 1974).

Церковь представляет собой однеф²⁸ (рис. 211-216) с прямоугольным в плане с наосом шириной 3,0 дюйма, длиной 6,75 м, дополненным круглой апсидой с радиусом кривизны 1,12 м; Судя по двум узким вертикальным канавкам, сделанным по бокам апсиды, алтарный барьер представлял собой настил. Ориентация оси церкви - 84 °. Каменистый пол неровный. С запада на Наос с поверхности плато проходит проход с лестничным спуском, разбитым под тупым углом. Такой дизайн входа защищал помещение от ветров в холодное время года.

Стены Наоса сохранились на высоте до 3 м, апсиды высотой 1,2 м, а их поверхность тщательно обработана мелкими мазками кирки. Южная стена гладкая, в предалтарной части - прямоугольный дверной проем, ведущий к комнате неправильной формы. С запада, с поверхности плато, можно было пройти через люк с лестничным спуском. Для создания этого входа была использована режущая гробница глубиной 1,1 м, которая находилась рядом с церковью.

Помещения к югу от церкви, возможно, служили оборонительной темницей; в ее восточной стене есть проем, ведущий к краю обрыва, где, вероятно, была деревянная галерея Мушараби. По словам Р. Лепера, эта

²⁸ Однеф - Элемент пространства базилики, вытянутый вдоль ее главной оси и ограниченный с одной или двух сторон колоннами либо столбами.

галерея позволила нам обойти апсиду церкви снаружи. Прямоугольное окно было вырублено около отверстия, сужающееся к внешней стороне.

В верхней части южной стены этой комнаты сохранились выступы, которые являются остатками скалистого перекрытия, которое впоследствии разрушилось.

В центральной части северной стены на высоте 0,9 м от пола расположена вырубная овальная гробница по форме (1,7 × 1,1 × 1,2 м); к нему ведет прямоугольный люк В 0,5 м к востоку, на котором уровень вырезан в прямоугольной нише (0,31 × 0,5 м), вероятно, для реликвий. В предалтарной части стены есть прямоугольный дверной проем, который сохраняет каменистое перекрытие. Он ведет к открытой местности на краю обрыва.

О характере перекрытия церкви можно судить по вырубным гнездам в верхней части северной и южной стен, на которых поддерживались балки, которые перекрывали пролет наоса. Они могли быть опорами для двускатной крыши фермы.

Размеры гнезда 0,14 × 0,18 м и 0,15 × 0,2 м, расстояние между ними 0,42 м. Отметим, что в Крыму церкви такого комбинированного строения больше не известны. Однако нельзя исключать, что первоначальная конструкция была полностью внутрикамерной, она имела монолитное перекрытие, остатки которого были толщиной в 0,15 м над уровнем спуска лестницы в западной стене. У других казематов цитадели, в настоящее время большей частью разрушенной, была эта толщина скалистой крыши. Если это так, то после разрушения каменистого склона появилось перекрытие балок Наоса.²⁹

Косвенным аргументом в пользу предположения о существовании монолитного скального перекрытия на первом этапе функционирования церкви может быть наличие на внешней поверхности входной панели части

29 Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма Ю. М. Могаричев // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. - Сииферополь: Таврия, 1992. - С. 5-132.

желоба, которая может быть частью водосборной системы, существующей на скалистой крыше церкви.

Как показали исследования 1973 года, последний период эксплуатации здания датируется концом XV - XVI веков. Затем церковь и могилы вокруг нее были перекрыты зданием с камином в юго-западном углу. Очевидно, храм использовался в качестве подвального подсобного помещения этого поместья.

Мы полагаем, что к северо-востоку от «гарнизонной» церкви на оконечности мыса Тешкли-Бурун находится единый комплекс пещерного монастыря, рассмотренный и описанный Э. Веймаром в 1938 г. Автор разделил его на пещерный комплекс Драм-Коба и казематов. № 2 и № 3.

Учитывая, что описание Э. Веймарна достаточно полно и точно, приведем его ниже.

Пещерный комплекс № 1, известный в литературе под названием Драм-Коб, представляет собой остатки довольно сложного и большого комплекса сооружений, которые изначально имели абсолютно оборонительное назначение. Он расположен на самой северной оконечности мыса Тешкли-бурун. Перед входом в пещеру обнаруживаются четкие следы значительной полутрубчатой комнаты, прямоугольной в плане, вытянутой с севера на юг. На южной стороне узкий вход с одним шагом вниз ведет к этой комнате. В южной части его западной стены находится небольшая впадина, а дальше на север - две ниши. В полу вдоль западной стены вырублены три маленькие круглые углубления. В юго-восточном углу есть две уступы-скамейки. Следующая - восточная стена, также высеченная в скале, но сильно разрушенная; в северной его части до сих пор заметны остатки выхода из помещения на восточную платформу. Пол комнаты, когда-то гладко высеченный, теперь полностью разрушен.³⁰

³⁰ Веймарн Е. В. «Пещерные города Крыма» / Е. В. Веймарн // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992.

Вход в первую пещерную структуру комплекса прорезан в западной части северной стены; на восточной стене видны слабые следы лестницы, ведущей к небольшой треугольной в плане области над структурой пещеры. По краям участка видны следы от пропавших кладок, что указывает на наличие здесь какого-либо наземного сооружения - вероятно, башни. На полу есть две круглые канавки. В северной части участка есть остатки лестницы, высеченной в скале и ведущей на другой участок вниз. Две ступени этой лестницы хорошо сохранились, две только очерчены, остальные рухнули.

Под второй платформой находится верхняя комната пещерного комплекса, где лестница спускается в восемь ступеней от описанной продолговатой полутрубчатой комнаты к плато. С точки зрения планов, эта пещерная комната четырехугольная (самые большие размеры: длина 7 м, ширина 5 м, высота 3 м), с хорошо обработанными стенами и гладким полом. Его южная стена, где находится вход, слегка вогнутая. В восточной части есть небольшая ниша. У.-в. Уголок, а также часть восточной стены разрушены. В восточной стене есть два небольших оконных проема со следами вставленной деревянной рамы; Южное оконное проем разрушено. В северной части восточной стены, на высоте 0,90 м над полом, есть дверной проем с пятиступенчатой лестницей, ведущей к восточной платформе. Восточная стена довольно тонкая и имеет несколько горизонтальных трещин. Западная часть северной стороны и северная часть западной стены рухнули. В северо-западном углу комнаты была вырублена лестница на нижний этаж пещерного сооружения. Эта лестница, сначала идущая на запад, а затем почти на юг, разворачивается на поворот: одним маршем она ведет к платформе перед скалой (западный край Тешкли-бурун), другая ведет к нижней пещере.³¹

Нижняя пещерная комната представляет собой большую прямоугольную камеру (размеры: длина 6 м, ширина 5 м, высота 2,70 м) с

³¹ Веймарн Е.В. Указ.соч. - С. 173

входом в северо-западном углу, куда ведет лестница. У входа в северную стену находится высокая ниша. Стены всей комнаты хорошо обработаны; пол ровный. В середине комнаты, ближе к северной стене, находится четырехугольная колонна в плане, высеченная в скале, когда комната устроена.

В северной и восточной стенах нижней комнаты есть пять дверных проемов (два на северной стене и три на востоке) со следами дверных замков, которые были здесь. Эти отверстия ведут к маленьким, почти прямоугольным камерам примерно одинакового размера (около 2,30 × 2,60 м). В восточных камерах вдоль одной из стен есть небольшие нишевые кровати. Западная стена центральной комнаты, у которой был дверной проем с видом на участок, рухнула в его южной части.

В южной стене центральной комнаты есть два дверных проема, ведущие к большой комнате, откуда проход в ее западной стене ведет к вышеупомянутой платформе на краю утеса, которая тянется вдоль всего нижнего этажа пещерного комплекса (платформа составляет около 12 м в длину и 3 м в ширину).

Расчистка участка возле обрыва выявила широкие вырезы в скале (около 0,70 м), прослеженные по всему ее внешнему краю (это особенно заметно в центральной части) и представляет собой слой некоторой кладки, возможно, стены или парапета; эта когда-то существующая стена обрамляла место со стороны обрыва, являясь одним из элементов этого довольно сложного оборонительного комплекса. Скала доминирует над дорогой к главным воротам Мангуа, которые прекрасно видны отсюда.

Присутствие на северной оконечности Тешкли-буруны ряда разрезов в скале - слоев защитных стен (например, на северо-восточной стороне оконечности мыса), а также полуглубинных пещерных сооружений - убеждает в том, что в начале средневекового периода на этом мысе было укрепление. Что касается цели строительства нижней пещеры, то, по всей вероятности, как уже указывалось исследователями Мангуа, она служила

подземной тюрьмой. По-видимому, П. Кеппен, который по плану Мангуп-Кале указал на северную оконечность Тешкли-буруна в точке «1», «руины башни с пещерами под ней, вырезанные в камне», по-видимому, придерживался этого мнения.³²

Этот комплекс был также замечен Дюбуа де Монпере, который в своем археологическом атласе поместил примерный план и разрез нижней комнаты описанного нами комплекса.

Пещерный комплекс № 2 расположен в нескольких метрах к югу от полутрубчатой продолговатой комнаты комплекса № 1 и расположен у восточной скалы мыса Тешкли-Бурун. Спуск по лестнице с 15 ступенями, начиная с прямоугольного разреза, вытянутого с севера на юг (размеры: 1,20 × 2,20 м), ведет к юго-западному углу широкого четырехугольника, имеющего форму ромба в плане, с размерами 3,80 × 5,40 × 2,90 м. ,

В западной стене, около лестницы, есть дверной проем (со следами деревянного ящика, который когда-то был вставлен), соединяющий комнату с большой камерой (1,85 × 1,80 м); в западной стене этой камеры находится низкая нишевая скамья. Небольшая гробница высечена вдоль западной стены главной комнаты (размеры: 2,50 × 0,80 × 0,80 м). По краям ее резные плечи, указывающие на то, что когда-то гробница была покрыта плитами (фрагмент одного из них был найден при отборе земли из гробницы); над гробницей в стене сохранились следы высокой неглубокой ниши. Северная стена этой комнаты сильно повреждена; в ней, видимо, была и небольшая ниша. Восточная стена комнаты была сильно повреждена - часть ее рухнула вместе с потолком. Видимо, был выход на небольшую, высеченную в скале платформу шириной до 1,50 м. На южной стороне существующего прохода из комнаты на платформу, на небольшой ступеньке скалы, имеется углубление, простирающееся с запада на восток, размером 1,60 × 0,45 м. При уборке помещений значительных находок обнаружено не было.

³² Веймарн Е.В. Указ.соч. - С. 174

Выяснить назначение пещерного комплекса № 2 пока сложно.

Пещерный комплекс № 3 расположен к югу от комплекса № 2. Теперь можно проникнуть через платформу, расположенную перед комплексом № 2, и ранее вела сюда с плато, теперь рухнувшего. Со стороны утеса парашют-парашют, высеченный в скале, тянется на короткое время. Здесь начинается лестничный спуск на площадку, расположенную прямо перед пещерным комплексом № 3. Нижняя часть лестничного спуска рухнула, осталось лишь несколько верхних ступеней.

Северная пещера этого комплекса, неправильная в плане ($3,50 \times 3,20 \times 2,30$ м), имеет выход на восток на всю ширину комнаты. В северо-западной стене прорезана большая ниша; на юге - выбито окно, выходящее на следующую пещеру.

Вторая пещера представляет собой большую четырехугольную комнату ($9,00 \times 5,00 \times 2,60$ м), причем западная стена намного длиннее восточной. С востока два прохода ведут в комнату, из которой на юге сохранились следы деревянной дверной коробки. К югу от этого прохода в стене вырезано окно; другое окно, упомянутое выше, обращенное к соседней комнате, расположено в северной стене; в западной стене есть две большие ниши, из которых большая по размерам южная расположена на значительной высоте. В восточной части южной стены находится дверь, ведущая в третью пещеру. Пол второй пещеры гладкий, на потолке множество трещин. При очистке этой пещерной комнаты от протекшей земли в северо-восточной части пола были обнаружены остатки полуразрезанной, очень маленькой часовни (длина 7,10 м, ширина 3,70 м). Несмотря на отсутствие каменной кладки, план часовни очень хорошо очерчен вырезами в скале, которые служили ложами стен. Пол часовни опускается на 0,50 м ниже пола пещеры, алтарная часть поднимается над полом часовни на 0,40 м. С западной стороны один шаг вел к часовне, к алтарю - два низких шага. В начале полукруга алтаря, обращенного к востоку, основания колонн были сохранены, высечены в скале. В центре алтаря, ближе к восточной части

полукруга, в скале имеется прямоугольная отметка для установки алтарного камня. Вероятно, в более позднее время, когда часовня перестала функционировать, ее помещения были приспособлены под резервуар, где вода стекала по желобам, вырезанным в полу пещеры. Чтобы удалить лишнюю воду из бассейна в алтарной части часовни, был вырублен широкий водосток, покрытый более поздними плитками (татарского типа); несколько ссылок этого плиточного пола были найдены во время зачистки. Возможно, тогда, в то же время, в северном отверстии, ведущем к участку, были сделаны пазы для укладки его деревянными решетками или досками.

Третья пещера этого комплекса - самая южная. Его размеры: длина 4,90 м, ширина 4,50 м и высота 2,30 м. Пещера имеет неправильную форму, с юго-восточным углом, выступающим внутрь, и не отличается по своей обработке от других. В восточной стене есть большое отверстие для амбразуры, обращенное к самому утесу и напоминающее амбразуру для катящегося камня в казематах пещеры восточного края плато Эски-Кермен, очищенных в 1937 году. В центре круглая выемка ровный пол (глубина 0,60 м) с треугольным вырезом на северо-восточном краю.

В южной части комнаты, вдоль стен, есть шесть маленьких круглых углублений, по-видимому, для установки пифоса (1953).³³

Учитывая, что все три комплекса, описанные Э. Веймарном, географически связаны между собой переходами и близки по архитектурным особенностям, можно предположить, что они являются частью единого монастыря, расположенного на краю мыса. В него вошли не только пещерные, но и наземные сооружения. Итак, слева от входа в верхний ярус Драм-кобы на скалистом возвышении есть следы комнаты с надрезанными гробницами, которая, скорее всего, была церковью. Его северо-западная

33 Веймарн Е. В. «Пещерные города Крыма» / Е. В. Веймарн // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992. - С. 163-168.

часть в настоящее время не сохранилась. Вполне возможно, что "гарнизонная" церковь также может быть связана с этим комплексом.

Таким образом, его составными единицами являются: нижний этаж Драм-кобы (комплекс № 1 по Э. Веймарну), состоящий из пяти камер и трапезной, комплексы № 2 и № 3 места захоронения с отдельная монашеская келья и часовня.

Каменная структура на оконечности мыса, наряду с культовыми, несомненно, выполняла оборонительную функцию: они были удобно расположены, чтобы контролировать главную дорогу, ведущую к крепости в обход мыса. Разумеется, что именно военного назначения имели помещения второго яруса Драм-коба (казармы?), Над которым была построена башня на скальной платформе, остатки которой были отмечены авторами конца XVIII - начала XIX в. (Муравьиный апостол 1823; Кеппен 1837). Очевидно, оборонительное значение имеет самая южная комната комплекса № 3.

Такой симбиоз церковно-монастырских и оборонительных элементов достаточно типичен для средневековых поселений Юго-Западного Крыма и Болгарии, например, Каламиты, Чуфут-Кале, Калиакра и др.

Орог, который ведет от балки Алмалык-Дере к месту поселения, сначала проходит через юго-восточный склон мыса Тешкли-бурун, а затем под его край, который является острым краем трехгранной призмы. Здесь он резко превращается в ущелье Капу-Дере и идет под северо-западным обрывом к главным воротам. Над дорогой, в месте, где она проходит вокруг мыса, находится единая пещерная структура. Вход в него имеет прямоугольную форму $1,58 \times 0,74$ м, расположенную на 4,40 м над поверхностью скалистого шельфа шириной около 1,5 м, который, в свою очередь, выступает над дорогой на высоте около 2,50 м. На кончике мыса под полкой находится грот, образованный от атмосферных воздействий, делающий полку в этом месте неприступной. Подняться по нему с дороги можно только по довольно крутому склону примерно в 30 м к юго-западу от вершины мыса. В 15 м от него и, соответственно, от входа в помещение, в

скале была вырезана вертикальная канавка, вероятно, для установки деревянной перегородки и калитки, которая препятствует свободному доступу к участку под пещерой. В комнату можно попасть по деревянной лестнице, так как в скале нет рубок, облегчающих подъем.

Помещение в плане имеет форму неправильного овала $4,90 \times 3,30$ м, его высота достигает 2,10 м. Обработка стен соответствует типу Т. 2. В северо-восточной стене на высоте 0,66 м арочная ниша шириной срезана от пола, основание составляет 1,20 м, высота 0,90 м, глубина 0,28 м. Поверхность породы в ней тщательно обрабатывается более легкими и частыми ударами. Ориентация ниши составляет 90° . Она, вероятно, исполнила роль алтаря.

В северо-западной стене на высоте 0,96 м арочная ниша была вырезана шириной 0,60 м, высотой 0,50 м и глубиной 0,30 м.

По юго-западной стене проходит каменистая скамья длиной около 2,5 м. Кресты царапаются на стенах комнаты, особенно их много в нише-апсиде³⁴. Судя по характеру черенков на стенах, в комнате есть как минимум два периода строительства.

По предварительной договоренности эта комната, скорее всего, могла бы служить отшельником или придорожной часовней. Укрепленный участок под ним был удобен для размещения сторожевого поста на важном участке дороги здесь. Н. Репников также отметил наличие следов оборонительного сооружения ниже кончика мыса, который перекрыл здесь дорогу (АКС). В настоящее время они не видны визуально.

Дорога, ведущая от бруса Алмалык-Дере на территорию населенного пункта на последнем участке, сначала проходит вдоль юго-восточного склона мыса Тешкли-Бурун, а затем под его край, который является острым краем трехгранной призмы. Здесь он резко превращается в ущелье Капу-Дере

³⁴ Апсида - примыкающий к основному объему здания пониженный выступ полукруглой, граненой либо сложной формы в плане; этим термином почти всегда обозначаются лишь алтарные объемы.

и идет под северо-западным обрывом к главным воротам. Над дорогой, в месте, где она проходит вокруг мыса, находится единая пещерная структура. Вход в него имеет прямоугольную форму $1,58 \times 0,74$ м, расположенную на 4,40 м над поверхностью скалистого шельфа шириной около 1,5 м, который, в свою очередь, выступает над дорогой на высоте около 2,50 м. На кончике мыса под полкой находится грот, образованный от атмосферных воздействий, делающий полку в этом месте неприступной. Подняться по нему с дороги можно только по довольно крутому склону примерно в 30 м к юго-западу от вершины мыса. В 15 м от него и, соответственно, от входа в помещение, в скале была вырезана вертикальная канавка, вероятно, для установки деревянной перегородки и калитки, которая препятствует свободному доступу к участку под пещерой. В комнату можно попасть по деревянной лестнице, так как в скале нет рубок, облегчающих подъем.

Помещение в плане имеет форму неправильного овала $4,90 \times 3,30$ м, его высота достигает 2,10 м. Обработка стен соответствует типу Т. 2. В северо-восточной стене на высоте 0,66 м арочная ниша шириной срезана от пола, основание составляет 1,20 м, высота 0,90 м, глубина 0,28 м. Поверхность породы в ней тщательно обрабатывается более легкими и частыми ударами. Ориентация ниши составляет 90° . Она, вероятно, исполнила роль алтаря.

В северо-западной стене на высоте 0,96 м арочная ниша была вырезана шириной 0,60 м, высотой 0,50 м и глубиной 0,30 м.

По юго-западной стене проходит каменистая скамья длиной около 2,5 м. Кресты царапаются на стенах комнаты, особенно их много в нише-апсиде. Судя по характеру черенков на стенах, в комнате есть как минимум два периода строительства.

По предварительной договоренности эта комната, скорее всего, могла бы служить отшельником или придорожной часовней. Укрепленный участок под ним был удобен для размещения сторожевого поста на важном участке дороги здесь. Н. Репников также отметил наличие следов оборонительного

сооружения ниже кончика мыса, который перекрыл здесь дорогу (АКС). В настоящее время они не видны визуально.

В северной части плато Мангуп до сих пор известна только одна внутрикаменная церковь. Он является частью пещерного монастыря, расположенного на обратной стороне укрепленной линии А XI, на его стыке с обрывом западного склона мыса Чуфут-Чарган-Бурун.³⁵

Этот пещерный комплекс давно привлекает внимание исследователей. П. Паллас (1881) уже упоминает его. В. Кондараки пытался объяснить тюркское название мыса (переводится как «Мыс призыва евреев») тем, что в пещерах над стеной находился караимский страж, спрашивая путешественников о цели их визита. в Мангуп. Эскиз церкви был впервые опубликован А. Поповым в 1888 году. В 1912 году памятник был расчищен экспедицией под руководством Р. Лепера (1913). Эпиграфический материал из церкви был привлечен В. Латышевым со ссылкой на М. Скубетова, который упомянул сохранившуюся надпись, требующую дальнейшего изучения (Латышев, 1918). В. Латышев также приводит показания А. Бертье Делагарда о кресте, вырезанном на стене пещеры (?), И букву с обозначением даты, соответствующей 1221 г. н.э. (Латышев, 1897). И отмечается сходство креста с изображением в Южном монастыре Мангуп. Н. Репников уточнил, что А. Бертье-Делагард видел на стене одной из пещер Табан-деринского комплекса восьмиконечный крест и надпись, на которой видны буквы ТСХСНИКА (АКК).

В 1975 году экспедиция Симферопольского государственного университета провела раскопки возле ворот в оборонительной стене, где к ней примыкала пропасть, а также под пропастью возле места расположения церкви. Пещерные сооружения комплекса были измерены, на северной стене церкви была установлена пятистрочная надпись. К сожалению, эти материалы еще не опубликованы. По наблюдениям Ю. Воронин,

35 Герцен А. Г. Пещерные церкви Мангупа / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. - Симферополь: Таврия, 1996. - С. 128.

управляющий делами, и А. Герцен, находок в этой области было очень мало, и не было материалов, которые были бы важны для определения времени создания и функционирования монастыря. Монастырская церковь расположена в 15 м к югу от ворот крепостной стены. Вход с юга; порог дверного проема превышает уровень современной дневной поверхности у подножия скалы на 1,10 м. Очевидно, была деревянная лестница. На сегодняшний день амбразура двери разрушена, только на внешней стороне скалистой поверхности есть канавка для двери. Большая часть западной каменной стены также рухнула, оставив только часть, которая служит опорой для каменной арки комнаты.³⁶

Наос почти квадратный в плане (2,90 × 2,86 м). В полу у северной стены имеются две режущие гробницы с закругленными концами, расширяющиеся в центральной части. Одна из гробниц - с плечами для установки надгробной плиты. Над ними, в северной стене, была вырублена гробница в форме аркозоля, а также, судя по углублениям, закрыта вертикальная установочная пластина. Над дугой-солью расположена вышеупомянутая пятистрочная греческая надпись, которая до сих пор плохо сохранилась. Мы даем ей чертеж по материалам экспедиции 1975 года. У западной стены на высоте 1,8 м от пола сохранилась часть арочного окна 0,4 × 0,5 м. Ниже прослеживаются остатки разрушенной ниши.

В углу между северной и восточной стенами на высоте 1,0 м от пола вырублена ниша шириной 0,40 м. Возможно, она выполняла роль жертвенника.

Апсида конхиальная, шириной 1,70 м, глубиной 1,70 м, максимальная высота на уровне алтарной преграды — 2,0 м. Поверхность скалы здесь тщательно заглажена, сохранились следы грунтовки ее известковым раствором.

³⁶ Герцен А.Г. Указ.соч. - С. 130

В центре низкого (до 0,20 м) синтрона³⁷ вырублено престольное углубление прямоугольной в плане формы (0,60×0,30 м) при глубине 0,20 м. Ориентировка алтаря — 108°. В полу перед апсидой сохранились паз и два круглых гнезда, предназначенные для крепления деревянной алтарной преграды. В северной и южной стенах вырублены гнезда для ее закрепления на высоте 1 м от пола. Выше этих гнезд на стыке потолка и стен вырублены пазы, возможно, предназначавшиеся для установки эпистилия³⁸. В южной стене апсиды высверлено шесть круглых отверстий, в северной — три, вероятно, для крепления икон.

В дополнение к церкви, комплекс также включает в себя несколько комнат в скале. На месте соединения с обрывом оборонительной стены находится трехуровневый комплекс из четырех комнат. Нижний (№ 4), прямоугольный в плане, служил входным вестибюлем; перед дверью был выстрел из двух шагов. Тип обработки стены - Т.3. Ушки для связывания животных вырублены в южной стене. В юго-западном углу - вырубленная впадина, в юго-восточном - две поляны, закругленные по форме. Круглое окно пронзено в западной стене. На севере есть отверстие с шагом 10 футов, ведущее в комнату (№ 3) второго яруса. Он прямоугольный в плане, обработка стен соответствует типу Т. 3. В стенах имеются вырезы для крепления деревянных деталей. В западной стене есть дверь, ведущая к скале, и круглое окно. В северной стене есть проем с маршем из 6 ступеней, ведущих к комнате (№ 1) верхнего яруса.

Помещение № 1 в плане прямоугольное со скругленными углами. В центральной части восточной стены на двух уровнях расположены две неправильной формы ниши (рис. 266; 271), а над входным люком — большая ниша, в плане имеющая прямоугольную форму. Она напоминает

37 Синтрон - дугообразная скамья для духовенства, примыкающая изнутри к восточной стене алтаря и идущая вдоль стены главной апсиды храма.

38 Эпистилий - горизонтальная доска со сценами Великих праздников, которая ставилась поверх местных (главных) икон иконостаса на темплон.

внутристенные усыпальницы. Подобная ниша есть в пещерном комплексе № 2 в оконечности Тешкли-буруна, в стене возле кельи.

Помещения третьего яруса (№ 1 и № 2) открыты на запад. Трудно судить, была ли с этой стороны первоначально скальная монолитная стена со световыми или оборонительными амбразурами. В настоящее время по краю обрыва прослеживаются округлые гнезда для установки деревянных столбов, служивших основой для плетневых или дощатых стен. Важно отметить, что на краю обрыва помещения № 2 сохранились следы лестничного спуска, функционировавшего на первом этапе существования комплекса, когда еще не существовало сооружений первого и второго ярусов и в данное помещение можно было попасть по ступеням лестницы, вырубленным снаружи на обрывистом склоне скалы. При такой планировке оно вряд ли могло выполнять оборонительные функции, а более соответствовало образу отшельнических келий, хорошо известных в других пещерных монастырях Крыма.

Помещение № 2 соединяется с предыдущим узким переходом вдоль края обрыва. В плане оно имеет форму прямоугольника со скругленными углами. В полу в южной части прорублен прямоугольный люк, ведущий в **помещение № 3**, расположенное ниже. В северной части вырублено сдвоенное гнездо, вероятно предназначавшееся для установки пифосов. В стенах сохранились вырубки для крепления деревянных конструкций. В северной стене прослеживаются следы срубленной скальной скамьи. Данное помещение, как и № 1, можно отнести к первому строительному периоду, когда в комплекс кроме церкви входили только высоко расположенные помещения, примером которых являются помещения № 5—6. Первое расположено в скальном кулуаре к востоку от церкви, по уровню выше нее так, что апсида заходит под северо-западный угол помещения. В плане оно прямоугольное, в полу несколько прямоугольных вырубок. В западной стене пробиты два дверных проема, вероятно, одновременные, и два окна. В

южной стене — арочная ниша, у западной — остатки скальной скамьи. Тип обработки стен помещения — Т.3.

Помещение № 6 расположено к юго-востоку от предыдущего на том же уровне. В плане оно имеет форму овала и по своей конструкции ближе всего к скальным склепам. Возможно, первоначально оно таковым и было, затем использовалось как келья.

Далее к юго-востоку, в обрыве, находится огромная прямоугольная вырубка, представляющая каменоломню, где добывались известняковые блоки, вероятно использовавшиеся для изготовления надгробий караимского кладбища XI—XVIII вв., расположенного ниже на склоне и в тальвеге ущелья.

Южный монастырь расположен в южной скале плато, в 300 м к западу от расщелины с укреплением XIX века. Искусственный туннель ведет к монастырю, начиная с небольшого естественного грота у подножия утеса и заканчивая на краю большого, также естественного грота в середине утеса. В восточной части грота находится пещерный зал церкви. В его центральной и северной части, в полу, находятся три режущие гробницы с углублениями для установки каменных плит. Стены Наос украшены профилированным карнизом. В потолке есть отверстия для подвешивания часов.

Низкий алтарный барьер отделяет наос от алтаря. Пространство между ним и плечами апсиды образовало алтарь и диаконик. В апсиде - глубокая арочная ниша. Под ним синтрон с прямоугольной вырезкой по центру, вероятно, «выше». В центре пола алтаря расположен зубчатый прямоугольник в плане, основание трона с четырьмя гнездами по краям и одним в центре. Фрески покрывали апсиду нишей и раковиной, аркой, окантовкой алтаря и фризом над аркой.

Первая графическая фиксация фресок была сделана художником Бебелем в конце 40-х годов. XIX в., Сделал рисунки крымских памятников для альбома, подготовил к публикации граф А. Уваров, но, к сожалению, так и не опубликовал.

Художник передал общий вид интерьера церкви с северо-западного угла, захватив большую часть алтаря фресками, которые были в то время в удовлетворительном состоянии.

В 1888 году «Отчет об учебной поездке в Симферопольскую гимназию» был выпущен в виде отдельной книги, одним из объектов которой был Мангуп. Текст сопровождался иллюстрациями А. Архипова. Один из них изображает алтарную часть храма на лицевой стороне и довольно точно передает основные сохранившиеся сюжеты росписи, но без проработки деталей. Описание фресок в тексте, к сожалению, очень короткое, отмечается их хорошее сохранение (Попов, 1888).

Более подробно они описаны в «Руководстве по Крыму», опубликованном в 1914 году, здесь отмечается повреждение обрамления ниши в алтаре, и некоторые цифры уже были отмечены (Крым, 1914).

Удовлетворительное сохранение росписей было еще в 1911 году, когда А. Маркевич обошел ряд «пещерных городов» и отметил, что в катастрофическом состоянии памятников Мангупа одно утешение заключается в том, что церковь с фресками на южной стороне Мангупа остается в своем прежнем состоянии (протокол 1912 года).

Когда в конце 50-х годов. О. Домбровский начал изучение и частичное восстановление фресок, они были уже существенно разрушены. В настоящее время под слоем сажи и «автографов» невежественных посетителей очень сложно рассмотреть контуры фигур, не говоря уже о деталях, поэтому мы даем общее описание композиций на основе публикаций разных времен.

В цилиндрической части ниши, в апсиде в круге, — сильно поврежденное изображение Христа-Эммануила, над ним в конце ниши шестиконечный оранжево-красный «процветший крест». Ветвями аканфа³⁹ из его нижнего ствола оплетена вся ниша. Над перекладиной креста буквы: слева ІС, справа ХС, под ней слева НІ, справа КА, то есть обычная

³⁹ Аканф - характерный рисунок украшений коринфских и композитных капителей, модульонов, акротериев.

монограмма Христа. ⁴⁰По кайме вокруг ниши просматривалась надпись, по предположению О. Домбровского, — текст из Евангелия (1966).

Слева и справа от ниши в цилиндрической части апсиды от центра с каждой стороны изображены святители во весь рост, со свитками в левой руке и с правой, поднятой для крестного знамения. Надписи просматривались (1914 г.) только у двух: «Хризостомос» (Златоуст) и «Григорий».

В конхе — пятифигурная композиция. В центре — Христос, восседающий на троне («Царь царствующих»), с приподнятой для благословения правой рукой и Евангелием в лежащей на колене левой руке.

Фигуры, предстоящие по сторонам трона, во время изучения памятника О. Домбровским были очень сильно повреждены, исследователь предположил, что крайние две входят в композицию Деисуса, причем вместо Предтечи в данном случае изображен, скорее всего, апостол Иоанн. В путеводителе же прямо указано, что это был именно Иоанн Предтеча. Между этими фигурами и Христом размещались шестикрылые херувимы — «лики закрывающие», правый из них с лабаром, на котором по-гречески написано «свят, свят, свят». Вся конха имела темно-синий фон.

В центре тябля (триумфальной арки), над конхой, — изображение Спаса Нерукотворного (св. Убрус), справа от него сильно испорченное изображение трех святых-воинов (по О. Домбровскому — средний, вероятно, Федор Тирон), правее их — большое изображение Благовещения, здесь просматривалась фигура Св. Марии с пряжей.

Слева от св. Убруса — архистратиг Михаил в одежде воина (красный плащ, панцирь с нагрудником) и более крупная, но очень плохо сохранившаяся фигура архангела Гавриила, относящаяся к композиции Благовещения.

40 Домбровский О. И. Средневековые памятники Бойки / О. И. Домбровский // АИСК. - К.: Наукова думка, 1968. - С. 83-96.

В центре плафона — медальон с образом Знамения, поясное изображение Богоматери с воздетыми руками. По обе стороны Знамения изображены фигуры в рост весьма плохой сохранности (несколько лучше сохранилась левая). О. Домбровский, отмечая пышность одеяний и корон на головах, высказал предположение, что это — ветхозаветные пророки (1966). Однако авторы работы, посвященной средневековым памятникам Трапезунда, вероятно, не вчитывались в текст описания Мангупской фрески, а, основываясь на цветной иллюстрации головы левой фигуры (Домбровский 1966), определили ее как изображение св. Константина, и с этим вполне можно согласиться. Черты лица (уплощенные скулы, узкие, редкие усы и борода, приплюснутый нос) О. Домбровский истолковал как проявление монголоидности. На самом деле они характерны для образа св. Константина. Это хорошо видно по трапезундским фрескам (Сармачиклы), датированным концом XIV — началом XV в. В иконографическом типе лика св. Константина подчеркнуты сухощавые аскетические черты, хорошо просматривавшиеся в мангупском изображении (Bryer. Winfield 1985).

Вторая фигура этой композиции, судя по сохранившимся деталям, может трактоваться как св. Елена (корона, длинные локоны, задрапированная шея).

Над окном в южной стене очень плохой сохранности изображение женщины-мироносицы; на северной стороне каких-либо деталей росписей рассмотреть невозможно.

Перед входом в храм находится провал в расположенное прямоугольное в плане помещение, обрушившийся пол которого обнажил часть входного туннеля. Оно могло служить ризницей или кельей.

В западной части большого грота есть четыре разделочные комнаты, которые, вероятно, служили клетками. Вход в комнату № 1 со стороны грота через прямоугольное отверстие с размерами $1,76 \times 0,86 \times 0,40$ м. Площадь помещения $5,0 \times 3,0$ м. На северной стене есть следы прямоугольной ниши $0,70 \times 0,64 \times 0,45$ м. В западной стене есть ниша размером $0,90 \times 0,60 \times 0,40$ м.

с углублениями для крепления деревянной полки. Помещение № 2 соединено с предыдущим дверным проемом $1,60 \times 0,78$ м с прорезями для крепления дверной коробки. В северной стене вырезаются пазы, возможно, для деревянной доски. Крест был вырублен на потолке $0,24 \times 0,24$ м. В западной стене на высоте 1,2 м над полом находится прямоугольная ниша $0,50 \times 0,30 \times 0,25$ м. Южная стена частично рухнула, скорее всего, в этом месте изначально было окно. Комната № 3 была расположена на краю скалистого выступа над обрывом. Вероятно, он рухнул в период монастыря. Впоследствии на этом месте был построен деревянный балкон, из которого сохранились гнезда балок, сохранившихся в скале. Из помещения № 4 осталось всего 6 ступеней, ведущих к обрыву, остальные рухнули.

На месте грота, вероятно, были некоторые экономические сооружения, следы которых были обнаружены во время съемки 1971 года.

В 40 м к западу от входа в монастырь в неглубоком гроте 1-го яруса высотой до 2 м находится вырубная гробница. Три каменистых ступени ведут к нему. Длина площадки под навесом 4 м, ширина до 1,70 м, максимальная высота до 2 м. Режущая могила прямоугольной формы с двухступенчатыми плечами, измеренная на дне $0,40 \times 1,64$ м на глубине 0,70 м. Судя по углублениям, гробница была закрыта каменной плитой $2,20 \times 0,90$ м. Раскопки, проведенные в 1971 году М. Хорефом (руководителем экспедиции Э. Веймарном), открыли здесь нарушенные могильники без сопутствующего оборудования. Судя по положению костей, погребение совершалось по христианскому обряду. В могиле похоронено не менее 11 человек (Архив БГИКЗ).⁴¹

В 1973 году в экспедиции Уральского государственного университета (под руководством А. Романчука), перпендикулярной скале плато, в верхней части склона под монастырем был проложен пятнадцатиметровый желоб, который вскрыл два скелета, лежащих на материке. на глубине 0,7 м от

41 Веймарн Е. В. «Пещерные города Крыма» / Е. В. Веймарн // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992.

поверхности. Склепы, могильные ямы и инвентарь не идентифицированы (Романчук, 1974). Эти захоронения, сделанные на очень крутом склоне, без явных следов погребальных сооружений, вероятно, носят случайный характер и не связаны с монастырем. Скорее всего, эти захоронения появились после завершения турецкой осады города в конце 1475 года - начале 1476 года. Подобные были найдены в разных местах на поверхности плато.

Очень скудные фрагментарные находки из окопа были датированы ранее в интервале XII - XVI веков. К сожалению, более подробные характеристики этих материалов не были опубликованы. Однако можно утверждать, что они не связаны с монастырем, но могут быть сброшены с поверхности плато.

Столь же непонятные материалы были найдены в 1971 году с небольшим зачисткой на краю площадки большого естественного грота (около выхода из подземной галереи). Здесь обнаружены остатки врезанных в скалы желобов и прямоугольный в плане небольшой дренажный бассейн. В докладе упоминаются необнаружимые фрагменты керамики из красной глины. Однако среди них были довольно крупные фрагменты орошаемых раковин с подглазурной росписью и узорами с прорезьями, обычно относящиеся к XIV-XV векам.

2.2 Пещерные церкви в окрестностях Тешкли-буруна

В ближайших окрестностях Тешкли-буруна среди известных в настоящее время пещерных комплексов следует отметить расположенную у края обрыва, в 100 м к юго-западу от цитадели, так называемую «площадку со склепами». Здесь находится обширное вырубное сооружение с лестничным спуском с плато, открытое сверху и в сторону обрыва, высота стен достигает 1,60 м. Не ясно, каким было его перекрытие, не исключено, что это были навесы, поддерживаемые деревянными столбами. В скальном полу есть округлые вырубки, предназначавшиеся для установки сосудов.

С площадкой связано шесть пещерных сооружений различного назначения. В северо-восточной ее части находится округлое в плане помещение, доступ к которому в настоящее время возможен по узкому скальному уступу над обрывом. Вероятно, оно служило укрытием для караульных. В обрыве центральной части площадки ниже 2,0 м ее поверхности расположена прямоугольная в плане пещера, в настоящее время спуск туда возможен лишь с помощью веревки. В период же функционирования помещения туда попадали, вероятно, по вырубленному лестничному спуску, следы которого сохранились в 2,50 м к юго-востоку от входа на краю обрыва. В дальнейшем в результате обрушения здесь части кромки обрыва и скальной полки перед входом в помещение сообщение его с плато оказалось затрудненным. Открыто оно А. Герценым в 1969 г., до 1980-х гг. массовым посетителям практически не было известно.

Два пещерных помещения в юго-западной части площадки обследовались Е. Веймарном в 1938 г. Первое (северо-восточное), открытое в сторону площадки, определялось им как обширный прямоугольный в плане склеп, второе, сообщавшееся с первым через дверной проем в юго-западной стене, представлялось как более позднее сооружение хозяйственного назначения, доказательством чего служили углубления в полу для установки

сосудов (1953).⁴²Во время исследований 1938 г. были открыты два вырубных склепа Дромос склепа № 1 находился в полу первого помещения. Размер прямоугольной в плане камеры — 3,70×1,80 м. Потолок сводчатый, плавно закругляющийся при переходе к стенам. Здесь были обнаружены 77 человеческих черепов (43 совершенно целых) и большое количество перемешанных костей. Среди вещей в склепе были найдены бронзовое колечко, кольцо из желтой меди, два браслета синего стекла, обломок стеклянного сосуда.

Второй склеп расположен к северо-востоку от первого. Размер камеры 2,35×2,35×1,47 м. Судя по количеству черепов и костей, здесь в разное время было захоронено не менее 30 человек. Среди немногочисленных находок — два железных гвоздя с остатками дерева, обломок браслета синего стекла, круглый в сечении, витое бронзовое колечко, бронзовый перстенок, остаток точильного камня, колечко желтого стекла и три обломка железного кольца.

Исследователь, опираясь на архитектурные аналогии (склепы могильников Суук-Су, Озень-баша и Эски-Кермена), датировал склепы V—VII вв. (1953). Однако ни один предмет, обнаруженный в склепах, не подтверждает такое определение. Судя по опубликованным рисункам и фотографиям, вещи эти не могут быть отнесены ко времени ранее X в. и бытовали в Крыму на протяжении первой половины II тыс. н. э. Отметим, что Н. Репников склонен был датировать мангупские склепы XII—XIII вв. (ААК).

Дальнейшее изучение комплекса в 1993—1994 гг., проводившееся путем натурного обследования, позволило выявить ряд деталей, ранее ускользавших от внимания исследователей, и более точно определить его назначение. Особый интерес представляют упоминавшиеся помещения № 1 и № 2 в юго-западной части площадки.

42 Веймарн Е. В. «Пещерные города Крыма» / Е. В. Веймарн // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992. - С. 163-168.

Помещение № 1 расположено над дромосом⁴³ склепа № 1 (по нумерации Е. Веймарна), оно прямоугольной в плане формы, 4,20×4,30 м. При высоте до 2,5 м северная стена в настоящее время отсутствует, очевидно, она была сложена из камня и впоследствии разрушена. Отсутствует также часть восточной стены (до начала скальной стенки), но здесь сохранилась вырубка в материке для установки нижних камней кладки длиной 0,90 и шириной 0,20 м. В центре скальной части восточной стены вырублена неглубокая ниша (до 0,30 м), в ее полке находится прямоугольное в плане гнездо 0,52×0,21 м. Таким образом, здесь, явно вторично по отношению к первоначальному помещению, была оборудована алтарная часть со всеми ее неперенными атрибутами (рис. 232). Ориентация ее по оси, проходящей через престольное углубление, — 110°, причем последнее вырубалось с учетом направления на точку сол-немного восхода, на что указывает смещение его ориентировки к востоку даже по отношению к нише в целом.

Церковный облик интерьера описываемого пещерного сооружения дополняют две ниши, вырубленные в южной стене, — большая и маленькая — со скругленными верхними углами, и скальная скамья вдоль западной стены высотой 0,25 и шириной до 0,80 м.

Потолок помещения плоский, несколько повышается в центральной части. Характер обработки скальных поверхностей помещения соответствует типу Т.2.

Помещение № 2 прямоугольное в плане 4,20×3,00 м при высоте до 2,0 м. В полу у восточной стены — округлая выемка. К западу от него — квадратная в плане, связанная с первой двумя желобами. В восточной стене находится прямоугольный оконный проем, в западной — большая арочная ниша и неглубокая полка. В южной и западной стенах вырублены вертикальные узкие неглубокие пазы, очевидно, для легких деревянных перегородок, отделявших угол от остальной площади помещения. В северной

43 Дромос - путь или коридор, ведущий в погребальную камеру гробницы или кургана.

стене, к востоку от дверного проема, имеется арочная ниша. Потолок помещения плоский, поверхность стен тщательно обработана, кирочные борозды заглажены.

В целом рассмотренный пещерный комплекс в южной части «площадки со склепами» можно рассматривать как имеющий церковно-погребальное назначение. Оформление его прошло ряд этапов. Можно согласиться с Е. Веймарном, что первоначально здесь была группа скальных склепов, в дальнейшем один из них был вначале расширен, превратившись в помещение № 1, а затем в нем создана церковь, криптой которой стал служить склеп № 1. Вероятно, одновременно с расширением помещения № 1 было вырублено помещение № 2, которое, судя по вырубкам в полу, могло функционировать как баптистерий. Таким образом, перед нами пещерная церковь, возникшая при более раннем погребальном сооружении, как, например, церковь св. Георгия на Мангупе и ряд храмов-маририев в Херсонесе (Кутайсов 1982).

Непосредственно под «площадкой со склепами», в гроте эрозионного происхождения, в подножии юго-восточного обрыва, в толще мшанковых известняков, бронирующих поверхность Мангупского плато, находится пещерный комплекс, краткое описание которого опубликовано в 1974 г. Е. Веймарном и др.⁴⁴

Скальный навес на этом участке образует дугообразную в плане полость, открытую на юго-восток. В северо-восточной стене, возле наружной скальной полки, вырублена алтарная ниша с хорошо выраженной конхой. При ее создании было использовано естественное углубление, подрубленное в направлении северо-восток—восток (ориентировка апсиды — 110°). Высота апсиды от пола до шельги арки конхи — 1,85 м. В основании апсиды выступает скамья длиной 1,0, высотой 0,50 м (синтрон). Поверхность скалы в алтаре тщательно заглажена. Справа от апсиды на уровне конхи сохранилась верхняя часть прямоугольной ниши шириной 0,60 м, стены которой были

⁴⁴ Герцен А. Г. Пещерные церкви Мангупа / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. - Симферополь: Таврия, 1996.

тщательно обработаны зубаткой, другая ниша ($0,66 \times 1,15 \times 0,48$ м) находится на тыбле арки конхи со смещением влево от ее вертикальной оси.

Верхняя часть скальной стены навеса в пределах контура храма, первоначально плавно переходившая к потолку, была подрублена, и ей придали вид гладкого фриза, венчающего стены на высоте от 1,50 до 2,30 м от пола. В нем были вырублены прямоугольные ниши, в щелях которых попарно расположены горизонтальные пазы для установки деревянных полок, такие ниши есть в северо-западной ($1,42 \times 0,87 \times 0,48$ м) и юго-западной ($1,17 \times 0,50 \times 0,50$ м) стенах. Кроме внутрискальных, на фризе также были оборудованы выносные полки, на что указывают расположенные в ряд прямоугольные вырубные гнезда, в северо-восточной стене — четыре, в северо-западной — три.

Ближе к юго-западной стене, на расстоянии 1,65 м друг от друга, вдоль поперечной оси храма в потолке пробиты две проушины для подвески хоросов.

Подрубки потолка и стен позволяют с достаточной точностью восстановить полные контуры храма.

Скальные вырубки есть также в соседнем к югу гроте, под обрывом имеются следы существовавшего здесь источника воды.

Можно достаточно уверенно говорить о том, что рассмотренный памятник составлял единое целое с комплексом сооружений на «площадке со склепами». Их связь по вертикали подтверждается существованием в средней части обрыва плато, как раз над нижним храмом, небольшой искусственной пещеры, служившей укрытием для одного человека (исследовано А.Г. Герценым в 1968 г.). К ней от «площадки» можно спуститься по естественному наклонному скальному уступу, к настоящему времени частично обрушившемуся. От пещеры до скальной полки у храма остается семь-восемь метров по вертикальной (местами с отрицательным уклоном)

скале, которые можно было преодолевать по веревочной или приставной деревянной лестнице.⁴⁵

В целом рассмотренные сооружения, расположенные на двух уровнях — на «площадке со склепами» и в естественном гроте под обрывом, — могут быть интерпретированы как единый монастырский комплекс, который мы в дальнейшем будем именовать юго-восточным монастырем.

Наиболее ранней его частью были погребальные сооружения на плато, затем над ними была вырублена церковь, а завершается формирование монастыря созданием храма в гроте под обрывом.

Южный монастырь расположен в южном обрыве плато в 300 м к западу от расселины с укреплением А XIX. В монастырь ведет искусственный туннель, начинающийся в небольшом естественном гроте в подножии обрыва и заканчивающийся на краю площадки обширного, также естественного, грота в средней части обрыва. В восточной стороне грота находится пещерная зальная церковь. В ее центральной и северной части, в полу, — три вырубные гробницы с пазами для установки каменных плит перекрытия. Стены наоса украшены профилированным карнизом. В потолке пробиты проушины для подвешивания хоросов.

Невысокая алтарная преграда отделяет наос от алтаря. Пространство между ней и плечами апсиды образовали жертвенник и диаконик. В апсиде — глубокая арочная ниша. Ниже нее проходит синтрон с прямоугольной вырубкой в центре, вероятно, «горнее» место. В центре пола алтаря — вырубное прямоугольное в плане основание престола с четырьмя гнездами по краям и одним в центре. Фресковые росписи покрывали апсиду с нишей и конхой, арку, окаймляющую алтарь и фриз над аркой.

Первая графическая фиксация фресок была выполнена художником Бебелем в конце 40-х гг. XIX в., делавшим рисунки крымских памятников для альбома, готовившегося к изданию графом А. Уваровым, но, к сожалению, так и не изданного.

⁴⁵ Герцен А. Г. Указ.соч. - С. 133

Художник передал общий вид интерьера церкви из северо-западного угла, захватывая большую часть алтаря с фресками, бывшими в то время в удовлетворительном состоянии.

В 1888 г. отдельной книгой был выпущен «Отчет об учебной экскурсии Симферопольской гимназии», одним из объектов посещения которой был Мангуп. Текст сопровождался иллюстрациями, выполненными А. Архиповым. Одна из них изображает в фас алтарную часть церкви и довольно точно передает основные сохранившиеся сюжеты росписи, но без проработки деталей. Описание фресок в тексте, к сожалению, очень краткое, отмечается их хорошая сохранность (Попов 1888).

Гораздо подробнее они описаны в путеводителе по Крыму, изданном в 1914 г., здесь уже отмечены повреждения обрамления ниши в алтаре и некоторых фигур (Крым 1914).

Удовлетворительной сохранность росписей была еще в 1911 г., когда А. Маркевич совершил объезд ряда «пещерных городов» и отметил, что, при катастрофическом состоянии памятников Мангупа, утешительно одно — церковь с фресками на южной стороне Мангупа остается в прежнем состоянии (Протоколы 1912).

Когда в конце 50-х гг. О. Домбровский приступил к исследованию и частичной реставрации фресок, они уже были существенно разрушены. В настоящее время под слоем копоти и «автографов» невежественных посетителей с большим трудом можно рассмотреть контуры фигур, не говоря уже о деталях, поэтому общее описание композиций мы даем на основании разновременных публикаций.

В цилиндрической части ниши, в апсиде в круге, — сильно поврежденное изображение Христа-Эммануила, над ним в конце ниши шестиконечный оранжево-красный «процветший крест». Ветвями аканфа из его нижнего ствола оплетена вся ниша. Над перекладиной креста буквы: слева ІС, справа ХС, под ней слева НІ, справа КА, то есть обычная

монограмма Христа. ⁴⁶По кайме вокруг ниши просматривалась надпись, по предположению О. Домбровского, — текст из Евангелия (1966).

Слева и справа от ниши в цилиндрической части апсиды от центра с каждой стороны изображены святители во весь рост, со свитками в левой руке и с правой, поднятой для крестного знамения. Надписи просматривались (1914 г.) только у двух: «Хризостомос» (Златоуст) и «Григорий».

В конхе — пятифигурная композиция. В центре — Христос, восседающий на троне («Царь царствующих»), с приподнятой для благословения правой рукой и Евангелием в лежащей на колене левой руке.

Фигуры, предстоящие по сторонам трона, во время изучения памятника О. Домбровским были очень сильно повреждены, исследователь предположил, что крайние две входят в композицию Деисуса, причем вместо Предтечи в данном случае изображен, скорее всего, апостол Иоанн. В путеводителе же прямо указано, что это был именно Иоанн Предтеча. Между этими фигурами и Христом размещались шестикрылые херувимы — «лики закрывающие», правый из них с лабаром, на котором по-гречески написано «свят, свят, свят». Вся конха имела темно-синий фон.

В центре тябля (триумфальной арки), над конхой, — изображение Спаса Нерукотворного (св. Убрус), справа от него сильно испорченное изображение трех святых-воинов (по О. Домбровскому — средний, вероятно, Федор Тирон), правее их — большое изображение Благовещения, здесь просматривалась фигура Св. Марии с пряжей.

Слева от св. Убруса — архистратиг Михаил в одежде воина (красный плащ, панцирь с нагрудником) и более крупная, но очень плохо сохранившаяся фигура архангела Гавриила, относящаяся к композиции Благовещения.

46 Домбровский О. И. Средневековый Крым X-XV вв. / О. И. Домбровский // Археология Украинской ССР / АН УССР. Институт археологии: В 3 т. - Т. 3. - К.: Наукова думка, 1983. - С. 518-535.

В центре плафона — медальон с образом Знамения, поясное изображение Богоматери с воздетыми руками. По обе стороны Знамения изображены фигуры в рост весьма плохой сохранности (несколько лучше сохранилась левая). О. Домбровский, отмечая пышность одеяний и корон на головах, высказал предположение, что это — ветхозаветные пророки (1966). Однако авторы работы, посвященной средневековым памятникам Трапезунда, вероятно, не вчитывались в текст описания Мангупской фрески, а, основываясь на цветной иллюстрации головы левой фигуры (Домбровский 1966), определили ее как изображение св. Константина, и с этим вполне можно согласиться. Черты лица (уплощенные скулы, узкие, редкие усы и борода, приплюснутый нос) О. Домбровский истолковал как проявление монголоидности. На самом деле они характерны для образа св. Константина. Это хорошо видно по трапезундским фрескам (Сармачиклы), датированным концом XIV — началом XV в. В иконографическом типе лика св. Константина подчеркнуты сухощавые аскетические черты, хорошо просматривавшиеся в мангупском изображении (Bryer. Winfield 1985).⁴⁷

Вторая фигура этой композиции, судя по сохранившимся деталям, может трактоваться как св. Елена (корона, длинные локоны, задрапированная шея).

Над окном в южной стене очень плохой сохранности изображение жен-мироносиц; на северной стороне каких-либо деталей росписей рассмотреть невозможно.

Перед входом в храм находится провал в расположенное прямоугольное в плане помещение, обрушившийся пол которого обнажил часть входного туннеля. Оно могло служить ризницей или кельей.

В западной части большого грота расположены четыре вырубных помещения, служившие, вероятно, кельями. Вход в помещение № 1 с площадки грота через прямоугольный проем размерами 1,76×0,86×0,40 м. Площадь помещения — 5,0×3,0 м. На северной стене — следы

⁴⁷ Домбровский О.И. Указ.соч. - С. 537

прямоугольной ниши $0,70 \times 0,64 \times 0,45$ м. В западной стене ниша размером $0,90 \times 0,60$ х, 40 м с пазами для крепления деревянной полки. Помещение № 2 связано с предыдущим дверным проемом $1,60 \times 0,78$ м с пазами для крепления дверной коробки. В северной стене вырублены пазы, возможно, для устройства деревянной лежанки. На потолке вырублен крест $0,24 \times 0,24$ м. В западной стене на высоте 1,2 м над полом — прямоугольная ниша $0,50 \times 0,30 \times 0,25$ м. Южная стена частично обвалилась, скорее всего, в этом месте первоначально было окно. Помещение № 3 было устроено на краю скального выступа над обрывом. Вероятно, оно обрушилось еще в период существования монастыря. Впоследствии на этом месте был устроен деревянный балкон, от которого сохранились гнезда балок, вырубленных в скале. От помещения № 4 сохранились только 6 ступеней, ведущих в обрыв, остальное обрушилось.

На площадке грота находились, вероятно, какие-то хозяйственные сооружения, следы которых были обнаружены при исследовании 1971 г.

В 40 м к западу от входа в монастырь в неглубоком гроте 1-го яруса высотой до 2 м находится вырубная гробница. К ней ведут три скальные ступени. Длина площадки под навесом 4 м, ширина до 1,70 м, наибольшая высота до 2 м. Вырубная могила прямоугольной в плане формы с двухступенчатыми заплечиками имела размеры по дну $0,40 \times 1,64$ м при глубине 0,70 м. Судя по пазам, гробница закрывалась каменной плитой размером $2,20 \times 0,90$ м. Раскопки, проведенные в 1971 г. М. Чорефом (руководитель экспедиции Е. Веймарн), открыли здесь потревоженные захоронения без сопровождающего инвентаря. Судя по положению костей, погребение совершалось по христианскому обряду. В гробнице захоронено не менее 11 человек (Архив БГИКЗ).

В 1973 г. экспедицией УрГУ (руководитель А. Романчук) перпендикулярно обрыву плато, в верхней части склона под монастырем, была заложена пятнадцатиметровая траншея, открывшая два скелета, лежавшие на материке на глубине до 0,7 м от дневной поверхности. Склепы,

могильные ямы и инвентарь не выявлены (Романчук 1974). Эти захоронения, совершенные на весьма крутом скате, без выраженных следов погребальных сооружений, носят, вероятно, случайный характер и не связаны с монастырем. Скорее всего, эти погребения появились после завершения турецкой осады города в конце 1475 — начале 1476 г. Подобные им были обнаружены в различных местах на поверхности плато.

Весьма скудные фрагментарные находки из траншеи предварительно были датированы в диапазоне XII—XVI вв. К сожалению, более подробные характеристики этих материалов не публиковались. Однако можно утверждать, что они не связаны с монастырем, а могли быть сброшены с поверхности плато.

Столь же маловыразительные материалы были обнаружены в 1971 г. при небольших зачистках на краю площадки большого естественного грота (около выхода из подземной галереи). Здесь выявлены остатки вырубленных в скале желобов и прямоугольный в плане небольшой водосборный бассейн. В отчете упоминаются неопределяемые обломки красноглиняной керамики. Однако среди них были и довольно крупные фрагменты поливных мисок с подглазурной росписью и прорезным орнаментом, относимые обычно к XIV—XV вв.

В северной части Мангупского плато пока известна только одна внутрискальная церковь. Она входит в состав пещерного монастыря, расположенного с тыльной стороны укрепленной линии А XI, у места ее примыкания к обрыву западного склона мыса Чуфут-Чеарган-бурун.

Этот пещерный комплекс давно обращал на себя внимание исследователей. Упоминание о нем есть уже у П. Палласа (1881). В. Кондараки пытался объяснить тюркское название мыса (переводимое как «Мыс вызова иудеев») тем, что здесь в пещерах над стеной находилась караимская стража, вопрошавшая путников о цели их посещения Мангупа. Впервые схематичный план церкви был опубликован А. Поповым в 1888 г.. В 1912 г. памятник был расчищен экспедицией под руководством Р. Лепера

(1913). Эпиграфический материал из церкви привлекался В. Латышевым со ссылкой на М. Скубетова, упомянувшего сохранившуюся надпись, нуждавшуюся в дальнейшем исследовании (Латышев 1918). В. Латышев приводит также свидетельство А. Бертье-Делагарда о вырезанных на стене пещеры кресте и буквенном обозначении даты, соответствующей 1221 г. по Р. Х. (Латышев 1897). Причем отмечается сходство креста с изображением в Южном монастыре Мангупа. Н. Репников уточнял, что А. Бертье-Делагард видел на стене одной из пещер Табан-деринского комплекса восьмиконечный крест и надпись, в которой просматривались буквы ТСХСНИКА (АКК).⁴⁸

В 1975 г. экспедицией Симферопольского госуниверситета были проведены раскопки возле калитки в оборонительной стене, где она примыкала к обрыву, а также под обрывом у места расположения церкви. Пещерные сооружения комплекса были обмерены, зафиксирована пятистрочная надпись на северной стене церкви. К сожалению, материалы эти до сих пор не опубликованы. По наблюдениям Ю. Воронина, руководителя работ, и А. Герцена, находок на данном участке обнаружено очень мало, а материалов, имеющих значение для определения времени возникновения и функционирования монастыря, не было вовсе. Монастырская церковь находится в 15 м к югу от калитки крепостной стены. Вход с юга; порог дверного проема превышает уровень современной дневной поверхности у подножия скалы 1,10 м. Очевидно, здесь был деревянный лестничный вход. К настоящему времени дверная амбразура разрушена, только на внешней стороне скальной поверхности сохранился паз для двери. Большая часть западной скальной стены также обрушилась, от нее остался только участок, который служит опорой скального свода помещения.

Наос имеет почти квадратную в плане форму (2,90×2,86 м). В полу у северной стены находятся две вырубные гробницы с закругленными торцами, расширяющимися в центральной части. Одна из гробниц — с заплечиками для установки надгробной плиты. Над ними в северной стене

⁴⁸ Герцен А. Г. Пещерные церкви Мангупа / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. - Симферополь: Таврия, 1996.

вырублена гробница в форме аркосолии⁴⁹, а также, судя по пазам, закрывающаяся вертикально поставленной плитой. Именно над аркосолью находится упомянутая пятистрочная греческая надпись, к настоящему времени плохо сохранившаяся. Приводим ее прорисовку по материалам экспедиции 1975 г. В западной стене на высоте 1,8 м от пола сохранилась часть арочного окна 0,4×0,5 м. Ниже его прослеживаются остатки разрушенной ниши.

В углу между северной и восточной стенами на высоте 1,0 м от пола вырублена ниша шириной 0,40 м. Возможно, она выполняла роль жертвенника.

Апсида конхиальная, шириной 1,70 м, глубиной 1,70 м, максимальная высота на уровне алтарной преграды — 2,0 м. Поверхность скалы здесь тщательно заглажена, сохранились следы грунтовки ее известковым раствором.

В центре низкого (до 0,20 м) синтрона вырублено престольное углубление прямоугольной в плане формы (0,60×0,30 м) при глубине 0,20 м. Ориентировка алтаря — 108°. В полу перед апсидой сохранились паз и два круглых гнезда, предназначенные для крепления деревянной алтарной преграды. В северной и южной стенах вырублены гнезда для ее закрепления на высоте 1 м от пола. Выше этих гнезд на стыке потолка и стен вырублены пазы, возможно, предназначавшиеся для установки эпистилия. В южной стене апсиды высверлено шесть круглых отверстий, в северной — три, вероятно, для крепления икон.

Кроме церкви, в состав комплекса входило еще несколько внутрискальных помещений. В месте примыкания к обрыву оборонительной стены расположен трехъярусный комплекс из четырех помещений. Нижнее (№ 4), прямоугольное в плане, служило входным тамбуром, перед дверным проемом в него был вход из двух ступеней. Тип обработки стен — Т.3. В

⁴⁹ Аркосолий - аркообразная ниша для установки саркофага в раннехристианских или средневековых погребениях.

южной стене вырублены проушины для привязывания животных. В юго-западном углу — вырубленное корытце, в юго-восточном — две вырубki округлой в плане формы. В западной стене пробито круглое окно. В северной расположен проем с маршем из 10 ступней, ведущий в помещение (№ 3) второго яруса. Оно прямоугольное в плане, обработка стен соответствует типу Т. 3. В стенах сохранились вырубki для крепления деревянных деталей. В западной стене расположен дверной проем, выводящий на обрыв, и круглое окно. В северной стене — проем с маршем из 6 ступеней, ведущим в помещение (№ 1) верхнего яруса.

Помещение № 1 в плане прямоугольное со скругленными углами. В центральной части восточной стены на двух уровнях расположены две неправильной формы ниши а над входным люком — большая ниша, в плане имеющая прямоугольную форму. Она напоминает внутрстенные усыпальницы. Подобная ниша есть в пещерном комплексе № 2 в оконечности Тешкли-буруна, в стене возле кельи.

Помещения третьего яруса (№ 1 и № 2) открыты на запад. Трудно судить, была ли с этой стороны первоначально скальная монолитная стена со световыми или оборонительными амбразурами. В настоящее время по краю обрыва прослеживаются округлые гнезда для установки деревянных столбов, служивших основой для плетневых или дощатых стен. Важно отметить, что на краю обрыва помещения № 2 сохранились следы лестничного спуска, функционировавшего на первом этапе существования комплекса, когда еще не существовало сооружений первого и второго ярусов и в данное помещение можно было попасть по ступеням лестницы, вырубленным снаружи на обрывистом склоне скалы. При такой планировке оно вряд ли могло выполнять оборонительные функции, а более соответствовало образу отшельнических келий, хорошо известных в других пещерных монастырях Крыма.⁵⁰

⁵⁰ Герцен А. Г. Пещерные города Крыма: Путеводитель / А. Г. Герцен, О. А. Махнева-Чернец. - Севастополь: Библекс, 2006. - 192 с.

Помещение № 2 соединяется с предыдущим узким переходом вдоль края обрыва. В плане оно имеет форму прямоугольника со скругленными углами. В полу в южной части прорублен прямоугольный люк, ведущий в **помещение № 3**, расположенное ниже. В северной части вырублено удвоенное гнездо, вероятно предназначавшееся для установки пифосов. В стенах сохранились вырубки для крепления деревянных конструкций. В северной стене прослеживаются следы срубленной скальной скамьи. Данное помещение, как и № 1, можно отнести к первому строительному периоду, когда в комплекс кроме церкви входили только высоко расположенные помещения, примером которых являются помещения № 5—6. Первое расположено в скальном кулуаре к востоку от церкви, по уровню выше нее так, что апсида заходит под северо-западный угол помещения. В плане оно прямоугольное, в полу несколько прямоугольных вырубков. В западной стене пробиты два дверных проема, вероятно, одновременные, и два окна. В южной стене — арочная ниша, у западной — остатки скальной скамьи. Тип обработки стен помещения — Т.3.

Помещение № 6 расположено к юго-востоку от предыдущего на том же уровне. В плане оно имеет форму овала и по своей конструкции ближе всего к скальным склепам. Возможно, первоначально оно таковым и было, затем использовалось как келья.

Далее к юго-востоку, в обрыве, находится огромная прямоугольная вырубка, представляющая каменоломню, где добывались известняковые блоки, вероятно использовавшиеся для изготовления надгробий караимского кладбища XI—XVIII вв., расположенного ниже на склоне и в тальвеге ущелья.

2.3 Проблема хронологии

Для решения сложной проблемы хронологизации описанных пещерных комплексов необходимо учитывать данные исследований в различных районах плато, позволяющие установить основные этапы функционирования городища. Их можно выделить четыре.

Первый характеризуется началом активного обживания плато. Наиболее ранний массовый археологический материал, свидетельствующий об этом, появляется с III в. Во второй половине VI в. осуществляется строительство главной линии обороны, обеспечивающей защиту всей территории плато. Ее важнейшие укрепления создавались преимущественно в верховьях ущелий Гамам-Дере и Капу-Дере, в средней части Табана-Дере. Завершение этого периода, который условно можно обозначить как ранневизантийский, относится к концу VIII в., когда крепость была захвачена хазарами в процессе подавления восстания Иоанна Готского. Из наземных церковных сооружений, появившихся несомненно в этот период, можно отметить большую базилику в центре плато на основании мыса Чуфут-Чеарган-бурун. А. Якобсон (1940) и М. Тиханова (1953) датировали ее появление второй половиной VI в., Н. Бармина — IX в. (1995). Первая дата, в свете имеющихся в настоящее время данных раскопок жилых комплексов в верховьях Лагерной балки в непосредственной близости от базилики, является более обоснованной. Хотя нельзя исключить, как предполагает Н. Бармина, что первоначально, в VI—VIII вв., базилике предшествовал относительно небольшой храмовый комплекс. Что касается пещерных сооружений, то, как показали специальные исследования, к данному периоду могут быть определено отнесены только небольшие по площади сооружения дозорно-оборонительного характера.⁵¹

51 Герцен А. Г. Пещерные церкви Мангупа / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. - Симферополь: Таврия, 1996. - С. 128.

Второй этап в жизни поселения датируется IX—X вв. и характеризуется существенным сокращением обжитой территории и, соответственно, значительно более скудными археологическими материалами. Ничтожно мало их обнаружено в центральной части плато, где выявлены хорошо выраженные напластования предшествующего периода, более заметно они представлены на мысе Тешкли-бурун и в его ближайших окрестностях. Содержание этого периода определяется такими факторами, как использование крепости хазарами, вероятно, на протяжении IX в., и последующим возвращением ее под власть Византии в связи с образованием и расширением фемы Херсона, для которой Мангуп был важным опорным пунктом среди других «крепостей климатов».

На рубеже X и XI вв. поселение приходит в упадок, что стало результатом военной экспансии или же катаклизма природного характера (землетрясение). В дальнейшем заметное оживление строительной деятельности на плато отмечается в XVI в., достигнув апогея в середине XVII в., когда Мангуп становится столицей княжества Феодоро.

Расцвет княжества приходится на первую половину XV в., когда оно в союзе с крымскими татарами ведет небезуспешную борьбу с генуэзскими колониями, стремясь принять активное участие в черноморской торговле.⁵²

На Мангупском плато в данный период сформировалось поселение городского типа с присущей ему инфраструктурой. Ее компонентами являлись: двухпоясная оборонительная система — укрепленная княжеская резиденция, жилые кварталы паутинообразной планировки, охватывающие верховья ущелий Капу-Дере и Гамам-Дере, вероятно совпадающие с приходами, некоторые церкви которых в руинах сохранились до наших дней. Особое место в городе занимали юго-восточная и южная окраины. Это наиболее возвышенная часть плато. Церкви здесь возводились у края плато, нередко внешние их обводы нависали над обрывом. В ориентировке храмов

52 Герцен А. Г. Пещерные города Крыма: Путеводитель / А. Г. Герцен, О. А. Махнева-Чернец. - Севастополь: Библекс, 2006. - 192 с.

строители следовали не только визуальной ориентации на восток, но и учитывали необходимость гармоничного включения построек в ландшафтную среду. Для этого сооружения закладывали продольной осью перпендикулярно обрыву, пренебрегая известным отклонением от реально наблюдаемой точки восхода. Любопытно, что пещерные церкви более жестко ориентированы на восток, вероятно, именно с учетом меньшей связи их с ландшафтом.

В архитектурном масштабе столицы сосуществовали как новые церкви, возведенные в период жизни княжества Феодоро, преимущественно кварталные, так и возобновленные храмы, создавшиеся в предшествовавшее время. Например, большая базилика на основании мыса Чуфут-Чегарган-бурун (Тиханова 1953).

Несомненно, что большинство пещерных культовых комплексов функционировали в феодоритское время, естественно вписываясь в картину активной религиозной жизни города, являвшегося не только административной резиденцией правящей верхушки, но и центром Готской митрополии, учрежденной еще в правление Михаила Андроника II Старшего (1282—1328) (Vasiliev 1936). В ее состав входила территория от района современного пос. Рыбачье до мыса Ай-Тодор, далее побережье принадлежало Херсонской епархии, а от Каламиты до р. Качи оно вновь относилось к церковным властям Феодоро. Северная и восточная границы проходили по долине р. Качи и, минуя Чатырдаг и Демерджи, достигали района восточнее Алушты. Об авторитете и активной деятельности иерархов митрополии свидетельствует строительная деятельность на территории генуэзского капитанства Готии, православное население которого относилось к Готской митрополии (возобновление базилики в Партените).⁵³

Можно вполне определенно считать время существования княжества Феодоро высшим расцветом христианства у населения крымского нагорья.

53 Домбровский О. И. Столица феодоритов / О. И. Домбровский, О. А. Махнева. - Симферополь: Таврия, 1973. - 103 с.

Распространение ислама, с начала XIV в. ставшего господствующей религией в Золотой Орде, и католицизма в генуэзских владениях стимулировало объединение православного населения под политическим главенством мангупских властителей. Религиозная и политическая консолидация способствовала формированию этнической агломерации, приобретшей черты этноса, но завершился этот процесс уже после завоевания княжества турками-османами в 1475 г.

Однако и после этого события как на Мангупе, так и на подчиненной ему ранее территории продолжали функционировать христианские храмы и монастыри, последних, правда, стало значительно меньше по сравнению с предыдущим периодом. Это относится, прежде всего, к пещерным обителям и церквам. В то же время наземные церкви поддерживались, а некоторые, разрушенные во время завоевания, были восстановлены. Например, так называемая церковь Богородицы в южной части Мангупского плато. Однако уже к середине XVII в. христианская община здесь практически перестает существовать, прекращается функционирование всех ее культовых сооружений.

Исходя из определенных основных этапов истории поселения, а также тех скудных данных, которые получены при непосредственном изучении интересующих нас памятников, можно попытаться решить весьма сложную проблему их датирования.

Южный монастырь

Важной особенностью комплекса, обращающей на себя внимание даже при беглом наблюдении, является его цельность с точки зрения планировочных и технических особенностей. Несомненно, что центром всей архитектурной структуры комплекса является большой естественный грот в средней части южного обрыва плато, естественно неприступный или труднодоступный до начала обустройства здесь внутрискальных помещений. Для постоянной связи с подножием обрыва из естественного грота нижнего яруса параллельно скальной стене была пробита круто поднимающаяся

галерея с лестничным маршем, заканчивавшаяся прямоугольным люком на краю площадки большого грота. Следует отметить, что только на верхнем участке туннеля прослеживаются признаки частичной перепланировки, которые можно было бы интерпретировать как свидетельство того, что монастырь имел, по крайней мере, два периода существования. Здесь сохранились следы марша с гораздо более крутым уклоном и меньшей по размеру проступью. Сохранившийся туннель имеет меньший уклон, соответственно более крупные ступени. Ступени же предшествовавшего марша оказались как бы висящими в верхней части стены существующего входа. Очевидно, что перестройка марша связана с обрушением весьма тонких стен и потолка внутрискальной кельи, рядом с которой он был проложен. Новый туннель был сделан более основательно.

Следы подобных по характеру разрушений прослеживаются и в других сооружениях монастыря. Как уже отмечалось, в западной части грота на краю обрыва сохранились следы, по крайней мере, двух обрушившихся помещений (келий?). В южной стене пещерного храма зияет обширная брешь, изображенная уже на рисунке Вебеля (сер. XIX в.) (рис. 277). Это позволяет связать изменение планировки входного туннеля не столько с двумя историческими периодами в существовании монастыря, сколько с частичными переделками в результате разрушений некоторых его сооружений уже в период существования комплекса в целом. Причем если кельи нельзя было восстановить, а брешь в храме в относительно тонкой скальной стене, к тому же имевшей отрицательный уклон в обрыв, могла быть заделана легкими деревянными щитами, то входной туннель, как сооружение исключительно важное как для нормального функционирования монастыря, так и для организации в случае необходимости его обороны, играл первостепенную роль, поэтому только здесь и были проведены основные ремонтные работы.

Можно предположить несколько причин разрушений части сооружений монастыря. Нельзя упускать из виду данные новейших

палеосейсмологических исследований. Так, по данным А. Никонова, в 70-х гг. XV в. в Крыму произошло сильное землетрясение, что вполне соответствует характеру разрушений в Южном монастыре. Он оказался наиболее уязвимым в связи с расположением на южной экспозиции плато (именно с этой стороны распространялась ударная волна), а также с наличием многоярусных сооружений с тонкими скальными стенами и перекрытиями.

Впрочем, подобные разрушения могли возникнуть и по иным причинам, например военным, на что есть не вполне ясные указания иеромонаха Матфея, относящиеся к концу XIV в. (Mercati 1927).

Все же важно отметить главное обстоятельство: в храме монастыря нет каких-либо заметных переделок, тем более перепланировок, обычно характерных для продолжительное время функционировавших культовых комплексов, подвергавшихся ремонтам по мере обветшания, а главное, в связи с эволюцией церковных канонов, отражавшейся на сценарии богослужения, а также на соотношении и назначении основных элементов храма.

Перестройки в силу подобных причин хорошо прослеживаются на ряде церквей Инкермана и Эски-Кермена (см. храм на последнем марше дороги и так называемое «Судилище» у главных ворот).⁵⁴

Об относительно недолгом функционировании монастыря свидетельствует отсутствие при нем сколько-нибудь значительного некрополя.

Исходя из всего изложенного, можно достаточно уверенно определить верхнюю хронологическую границу Южного монастыря, равно как и ряда других подобных комплексов на Мангупе, — это последняя четверть XV в., то есть время турецкой экспансии, приведшей к ликвидации княжества Феодоро и превращению Мангупа в турецкую крепость, центр кадылыка, в

⁵⁴ Домбровский О. И. Указ.соч. - С. 105

котором религиозная жизнь постепенно сокращавшегося христианского населения находилась под жестким контролем османской администрации.

Что касается нижнего хронологического рубежа, то здесь необходимо привлечь ряд прямых и косвенных обоснований. Как отмечалось, церковь Южного монастыря — практически единственный памятник Мангупа, сохранивший более или менее полно фресковые композиции на стенах. По мнению И. Грабаря, они появились в XIV в., в XV в. были подновлены (1966). Концом XIV в. определял время появления росписей Н. Репников (АКК). О. Домбровский в целом не оспаривал этого определения, путем искусственного анализа основных компонентов фигурной композиции фресковых росписей расширил датировку, вполне справедливо полагая возможность их появления не только в XIV, но и в начале XV в. Этот вывод подтверждается сопоставлением с трапезундскими памятниками, причем мангупская фреска определяется как произведение провинциальной трапезундской школы живописи (Bryer, Winfield 1985).

Особенно близка мангупской пещерная церковь монастыря у села Манглавита. Здесь в центре фресковой композиции также был Иисус на троне (Пантократор, Царь мира). По сторонам апсиды располагались фигуры сцены Благовещения, сохранился только архангел Гавриил с частью соответствующего текста. В апсиде по центру между фигурами Отцов Церкви в прямоугольной рамке — погрудное изображение Христа-младенца (в Южном монастыре — в нише). Весьма сходными являются цветовая гамма, манера прорисовки контурных деталей фигур. Дата позднейших росписей, когда окончательно сложилась описанная композиция, — первые два десятилетия XV в. (Bryer, Winfield 1985).

Данное наблюдение согласуется с известным фактом перехода территории Крымской Готии под власть Трапезундской империи после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. (Vasiliev 1936). Тесные политические и культурные связи с княжеством Феодоро империя сохранила до своей гибели. В историографии существует версия о происхождении

мангупских князей от трапезундской армянской фамилии Гаврасов (Vasiliev 1936), хотя это предположение не подтверждается какими-либо надежными источниками (Степаненко 1990).

Ближе всего по архитектурно-планировочным решениям к храму Южного монастыря «храм с крещальней» в Инкермане и большой храм Шулдана.

Данные археологических исследований не позволяют предполагать длительное существование монастыря, нет в нем слоев какой-либо хозяйственной деятельности. В целом, он может быть интерпретирован как комплекс заупокойного храма-усыпальницы, принадлежавшего какому-либо знатному семейству, не исключено, что княжескому. Во всяком случае, характер главных сюжетов в росписях (Христос на троне, Христос-Эммануил, Спас нерукотворный) не противоречит этому.

Есть все основания полагать, что появление комплекса относится ко времени расцвета городской жизни на плато Мангупа. Расположение его за пределами оборонительной системы городища указывает на относительную стабильность обстановки в окрестностях столицы всего княжества. Судя по стихотворению иеромонаха Матфея, в конце XIV в. город находился в состоянии разорения, что, вероятно, было связано с вторжением войск Тимура, преследовавшего Тохтамыша.⁵⁵ Возрождение его можно с уверенностью связать с деятельностью князя Алексея, построившего порт в Каламите (Инкерман), существенно потеснившего генуэзцев на западном побережье. Эта строительная деятельность подтверждается эпиграфическими памятниками 20-х гг. XV в. (Малицкий 1933).

Это время вполне можно считать нижним хронологическим рубежом существования пещерного храма в южном обрыве Мангупского плато.

⁵⁵ Воронин Ю. С. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма / Ю. С. Воронин, В. Н. Даниленко // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. - Симферополь: Таврия, 1992. - С. 169-181.

Церковь монастыря в Табана-Дере

Как отмечалось выше, небольшие по масштабам раскопки у подошвы скального обрыва, в котором вырублены помещения монастыря, не дали материалов для определения даты комплексов. Впрочем, этого и следовало ожидать. Если какие-либо от хозяйственной и бытовой жизни и оказывались здесь, то накоплению их препятствовала крутизна склона ущелья, по которому они скатывались и смывались дождевой и снеговой водой в тальвег. При исследовании был вскрыт, по сути дела один слой дерна, насыщенный продуктами денудации, перекрывающий поверхность мергелевого склона. Таким образом, можно констатировать, что в период функционирования монастыря поверхность скалы возле него была практически свободной от грунта и каких-либо культурных остатков. Поэтому проблема датирования может решаться только путем архитектурного анализа и сопоставления аналогий. Немаловажным является наличие эпиграфических материалов, хотя их использование сопряжено с рядом трудностей.

Еще А. Бертье-Делагард отметил присутствие на стене одного из помещений монастыря процарапанных греческих букв, которые он прочитал как дату — 6729 г. (1221 г.) (Латышев 1897). В другом помещении он видел восьмиконечный крест, аналогичный изображенному в нише алтаря в церкви Южного монастыря Мангупа. Да и в целом архитектурная структура этих двух церквей весьма сходна, особенно это проявляется в размещении гробниц и даже их количестве. Близкими были эти монастыри и по размерам комплексов в целом, по числу и объемам жилых и вспомогательных помещений, а значит, и по числу монахов. Конечно, церковь Табана-деринского монастыря выглядит скромнее по своему убранству и размерам, чем Южного. Она сохраняет черты аскетического стиля, отвечающего, вероятно, более раннему времени ее создания. Показательно и местоположение памятника. Это весьма глухой район массива в обращенном к северо-западу ущелье, вдалеке от обжитой части плато. В то же время, он

находится в пределах территории, обеспеченной защитой главной линии обороны. Причем создавали монастырь в некотором отдалении от стены, пересекавшей ущелье от мыса до мыса (укрепление А X), а не впритык, как он расположен сейчас по отношению к линии А XI, построенной уже в начале XVI в. в период турецкого владычества.⁵⁶

Таким образом, сопоставляя топографические особенности Южного и Северного монастырей, можно отметить стремление разместить последний хоть и в уединении, но под защитой крепостных стен, что отвечает реалиям времени, когда только началось становление княжества Феодоро и ситуация на его территории была далека от стабильной.

В начале 60-х гг. XIV в., как известно, на плато оформляется городская структура, вероятно подвергшаяся временному разрушению в конце столетия и воссоздания в 20-х гг. XV в. Исходя из сказанного, пещерная церковь Северного монастыря вероятнее всего могла появиться не ранее середины XIV в., но и не позднее конца этого столетия. Если и верна дата, прочитанная А.Л. Бертье-Делагардом, то она явно не имеет отношения к церкви, где имеется недатированная надпись, а упомянутый автор о ней не сообщает вообще. Скорее, речь может идти о помещении, появившемся здесь в первой половине XIII в. и служившем убежищем какому-либо отшельнику. Комплекс же монастыря в его современном виде сформировался позже. Можно указать на еще одну аналогию рассматриваемой пещерной церкви. Это так называемый храм «Донаторов» в верховьях Черкес-Керменского ущелья по соседству с Эски-Керменом. Его росписи, как отмечалось, датированы Н. Репниковым именно 80-ми гг. XIV в. (АКК). Во всяком случае, именно XIV столетие, а скорее его вторая и третья четверти, представляются наиболее вероятным временем формирования монастыря в обрыве западного склона мыса Чуфут-Чеарган-бурун. Как и в случае с Южным монастырем, он, вероятно, являлся семейной усыпальницей какой-то знатной феодоритской фамилии, но, видимо, не столь богатой и

⁵⁶ Воронин Ю. С. Указ.соч. - С 185

высокопоставленной, как та, которая выступала ктиторм Южного монастыря.

Юго-восточный монастырь

Разумеется, различия в архитектурных особенностях верхнего и нижнего ярусов монастыря достаточно выразительны. Если верхний представляет собой комплекс пещерных сооружений, явно разновременных, более ранних (внутрискальные склепы XII—XIII вв.) и более поздних, то нижний ярус явно состоит из цельного в архитектурном отношении храмового комплекса, вписанного в естественный грот. Последний имеет сходство с пещерным комплексом № 2 на Тешкли-буруне по характеру обработки стен, но особенно по выразительным внутренним гробничным нишам. Оформление комплекса в целом можно отнести ко времени существования княжества Феодоро. Он как бы связал воедино обжитую юго-восточную часть подножия обрыва плато с его поверхностью в том районе, где были сконцентрированы христианские культовые сооружения XIV—XV вв.

Монастырский комплекс на оконечности Тешкли-буруна

Исходным пунктом установления даты его создания является формирование на мысе цитадели. Процесс этот начинается в 60-х гг. XIV в. и продолжается на протяжении всего существования княжества Феодоро и периода владения крепостью турками-османами. Придание мысу функций цитадели требовало не только защиты ее территории с напольной стороны, но и организации обороны склонов под обрывами. Здесь, огибая мыс, проходил последний отрезок колесной дороги, требовавший особого внимания. С оконечности мыса хорошо просматривались дальние подступы к плато с северо-запада до юго-востока. Это обусловило интенсивность внутрискального строительства по краю обрыва и особенно на оконечности мыса (Герцен 1982). Именно этих сооружений прямо касается описание иеромонаха Матфея. Приведем из него то место, которое непосредственно относится к внутрискальным сооружениям на оконечности мыса: «Во-

вторых, сообщу тебе, чужеземец, удивительнейшее. Я нашел лестницу, выдолбленную в скале, спустился вниз и увидел там высеченные в камне прекрасные палаты, освещенные прекрасно с востока, удивительное разнообразие прекрасно сделанное. Я забыл остальное, рассматривая его. Придя в себя, я снова вышел наверх».

Несомненно, в этом отрывке переданы впечатления от посещения пещерных комплексов № 2 и № 3 (по нумерации Е. Веймарна). Именно туда ведет лестница в круто наклоненном туннеле, приводящая в помещение с разнообразными интерьерами (кельи, усыпальницы, зал с церковью, оборонительный каземат), хорошо освещаемыми с юго-восточной стороны. Данное описание явно не имеет отношения к пещерному комплексу Барабан-Коба, узкий вход в нижний ярус которого обращен на северо-запад. Естественное освещение помещений здесь было очень слабым. Даже в настоящее время, несмотря на обрушение значительной части скальной северо-западной стены, в зале с подпорным столбом, и тем более в кельях, царит полумрак.

Итак, в конце XIV в., по крайней мере, часть пещерных сооружений на оконечности мыса уже существовала. Можно предположить, что в первую очередь создавались боевые казематы и другие помещения на юго-восточной стороне плато, которая прогревалась солнцем и была защищена от холодных ветров. Во всяком случае, на северо-западном склоне мыса находятся только два пещерных сооружения: Барабан-Коба и так называемое «Судилище», состоящее из трех небольших помещений, а также одиночный каземат. Подавляющее большинство внутрискальных сооружений расположены на юго-восточной стороне.

Что касается «гарнизонной» церкви, то в ее архитектурном облике явно проступают черты типичных зальных наземных церквей, подобных тем, которые существовали в городе Феодоро до XVII в. Таким образом, сооружение «гарнизонной» церкви может быть отнесено ко второй половине XIV — первой половине XV в.

Сложнее определить время появления церкви в оконечности мыса Тешкли-бурун. Она имеет явные признаки переделок. Вполне вероятно, что здесь, у важного участка дороги, где она, круто огибая скалу, вела непосредственно к главным городским воротам, уже в раннее средневековье могло существовать сторожевое помещение. Преобразование его в культовое путем вырубки в восточной стене алтарной ниши, появление на стенах процарапанных изображений крестов, вероятно, может быть связано с расцветом монастырей на плато и в его окрестностях. Здесь мог быть создан скит монастыря, находившегося под юго-восточным обрывом или, скорее, на оконечности Тешкли-буруна. Если это предположение верно, то существовал он, вернее всего, в княжеский период истории Мангупа.

Пещерная церковь в Кильсе-Дере, как уже отмечалось, датируется концом XIV — началом XV в.

Итак, все рассмотренные нами пещерные церкви Мангупа с большим или меньшим основанием определены как памятники времени княжества Феодоро, и, соответственно, в целом хронологический диапазон их существования приходится на середину XIV — третью четверть XV в. Чтобы прийти к такому заключению, были рассмотрены все имеющиеся в нашем распоряжении источники, к сожалению, в большинстве своем косвенные, что объясняется особенностями средневековой эпохи не только в истории Мангупа, но и Крыма в целом. Тем не менее, привлечение различных материалов позволяет продвинуться в решении трудной проблемы, которая, конечно, нуждается в дальнейшей разработке. И хотя архитектурный анализ, исследование технических приемов, экстраполяция письменных источников позволяют прийти к определенным выводам, тем не менее, очевидна необходимость их подкрепления археологическими материалами, связанными непосредственно с объектами нашего исследования. Вероятно, следует перенести их поиск на склоны, где можно ожидать находок сброшенных или смытых культурных остатков. Хотя очевидно, что и они могут получать неоднозначную интерпретацию. Остается также надежда на

обнаружение обрушившихся еще в период функционирования пещерных помещений, а также комплексов, надежно связанных со стратиграфическими горизонтами. Данные археологических разведок показывают, что такая ситуация может быть выявлена в верховьях балки Капу-Дере, где визуально прослеживаются сильно заплывшие натечным грунтом пещеры с признаками храмов. Здесь не было условий для интенсивного уничтожения культурного слоя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проникновение христианства на полуостров в конце III-начале IV вв. предопределило создание монастырей. Первоначально, на северных окраинах Византии империя, монашество не стало таким распространенным, как, например, в долине Нила, Сирии и Палестине.

Если раннее размножение пустыни существовало в Таврике, то оно не оставляло никаких существенных доказательств о себе. О более широком распространении монашества на полуострове можно говорить только с 8 по 10 века, когда в результате арабских завоеваний Византия и, соответственно, христианская церковь теряют свое влияние в Северной Африке и Малой Азии. Отток христианского населения из южных и восточных провинций вызвал новую волну перемещения грекоязычного населения в Таврике. В результате на полуострове возникают епархии Боспора, Херсонеса, Готики, Сугдеи и Фуллы. Процесс расширения влияния христианской церкви на полуострове совпадает со временем иконоборческой политики императоров Льва III и Константина V, которая имеет не столько догматические, сколько социальные и политические причины. После Совета 754 года часть византийского монашества, выступая против официальной государственной политики, была вынуждена бежать в отдаленные пригороды, включая Таврику. Большинство исследователей, опираясь на ряд источников, традиционно считают эмиграцию иконолюбков одной из главных причин появления монастырей в Крыму.

Основная часть монастырей VIII-IX вв. возникает в тех регионах Таврики, которые были независимы или номинально зависели от Византийской империи и располагались на относительно расстоянии от ее официального центра на Херсонесском полуострове. Поэтому, с нашей точки зрения, более вероятно, что будут открыты памятники христианства этого периода, особенно монастыри в Юго-Восточном и Южном Крыму. Тем не менее, было бы неправильно оправдывать распространение монашества в Таврике только эмиграцией с использованием иконноборцев.

Иконоборчество не отрицало существования монастырей, но имело целью подорвать экономическую базу церкви и ее влияние на светскую власть. Распространение монашества должно быть связано не столько с коротким периодом иконоборчества, сколько с эмиграцией грекоязычного христианского населения в Таврику, что оказало мощное влияние на культуру населения региона.

Географическая удаленность Крыма обеспечивала минимальное вмешательство византийских светских властей в жизнь приверженцев церкви. Это было в интересах братьев, объединенных на принципах киновитного общежития и ищущих уединения от мира ради служения Богу. Вероятно, в VIII - X вв. здесь контроль был ослаблен не только государственными институтами, но и Константинопольским Патриархатом, который вырос вместе с институтами империи. В то же время близость языческого мира открывала широкие миссионерские перспективы.

Несмотря на стремление к уединению, нестабильная социально-политическая ситуация в Таврике способствовала основанию христианских монастырей вблизи крупных экономических и политических центров или, по крайней мере, крупных поселений, их концентрации в горных районах, на южном побережье и в Восточном Крыму, что есть, в компактной популяции населения исповедует христианство. Это обеспечивало безопасность братьев среди единоверцев и экономические интересы монахов, существовавших за счет пожертвований, продажи сельскохозяйственной продукции и ремесел.

К X - XV вв. средневековые монастыри могли быть владельцами земли. В то же время в Крыму, где сохранялось серьезное влияние чуждых кочевых племен, находившихся на стадии распада племенных отношений, сельский феодализм еще не развивался в классических формах. Монастыри, вероятно, владели скромными землями в пригородных районах или были центрами небольших сельских округов. Не способствует появлению крупных монастырских поместий и гористой местности. Гора Таврика и Южное побережье, если сравнение уместно, напоминали Шотландию, то есть могли

возникать мелкие феодальные или даже клано-феодальные владения, в том числе монашеские, которые условно зависят от Византии, Хазарского каганата или другого правителя. В то же время влияние христианской церкви и монастырей, в частности, способствовало ориентации этнически разнообразного, но не религиозно ориентированного населения Таврики на Константинопольский патриархат и, следовательно, на Византию.

Несмотря на нестабильность политической ситуации, в X - XV вв. Христианство по-прежнему занимало доминирующее положение в Таврике. В этот период на юго-востоке христианские монастыри концентрировались вокруг Сугдея, а затем в генуэзском кафе; в юго-западном Крыму рост пещерных монастырей совпал с появлением христианского княжества Феодоро. Важно отметить, что монастыри XIV - XV вв. в Горном и некоторых на Южном побережье Крыма они, вероятно, уже представляли экономически достаточно мощные экономики. В то же время на юго-восточном побережье это были небольшие, но многочисленные монастыри. Если в первом случае православные монастыри, несомненно, пользовались покровительством князей Феодоро, во втором - на территориях, подчиняющихся католической Венеции и Генуе, правители православных монастырей не способствовали, но все же заботились о безопасности граждан и защита их имущественных прав.

Вторжение татаро-монголов в Крым на ранней стадии также не оказало существенного влияния на положение православной церкви. Христианская религия большинства населения Таврики XIII - начала XV вв. обеспечено относительно устойчивое положение как в церквях, так и в монастырях. На начальном этапе Золотая Орда, опираясь на Яссу Чингисхана, заняла терпимую позицию. В то же время человеческие потери во время рейдов, смешанных браков, хрупкости политических отношений и снижения роли христианских государств в Черноморском бассейне лежат в основе постепенного снижения влияния православия.

Ситуация изменилась с вторжением на Крымский полуостров Османской империи, ликвидацией генуэзских колоний и княжества Феодоро, переходом Крымского ханства, которое только что превратилось в вассальную зависимость от султана. С этого момента большая часть христианского населения напрямую зависит от Турции, так как основная часть Таврики была включена в Османскую империю (Кафинский Эджалет). Начался активный процесс подавления христианства исламом. Положение христианской религии от доминирующего перешло к уровню религии этнических меньшинств и оппозиции.

Теперь православных христиан, особенно священников и монашествующих, можно рассматривать как «пятую колонну», ориентированную на христианские государства, в первую очередь Московию и Литву, с которыми Крымское ханство, будучи вассалом Турции, чаще всего находилось в враждебных отношениях. При этом на протяжении XV - XVIII вв. неудивительно. В конце концов, российское правительство после аннексии полуострова также с подозрением относится к мусульманам из-за их симпатии к Турции.

В годы турецко-татарского правления в Крыму роль христианской церкви была сведена к минимуму. Приходы были сокращены и к середине XVIII в. из многочисленных православных монастырей сохранилось не более четырех небольших монастырей. Вторжение русских войск в Крым и последующая аннексия полуострова в России в 1783 году исключили любую возможность угнетения христианского населения на основе религиозных убеждений, но не изменили религиозную ситуацию в целом. Переселение некоторых христиан при поддержке Екатерины II привело к сокращению приходов, и монастыри вообще перестали существовать. На этом закончились первые два периода истории православного монашества в Крыму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Челеби Эвлия. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму / пер. Е. В. Бахревский // www.moscow-crimea.ru/history/hanstvo/index.html
2. **Жития** Святых Таврических (Крымских) Чудотворцев // www.moscow-crimea.ru/duhovny/zhitia/Kirill_Mefod.html
3. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии: (Тексты, переводы, толкования и комментарии). - Коктебель, 1995. – 273 с.
4. Краткое житие святого Стефана Сурожского, архиепископа Сугдайи: Тексты, переводы, толкования и комментарии. - Коктебель, 1994. – 198 с.
5. Руфин, пресвитер. Жизнь пустынных отцов / Перевод с латинского священника М.И. Хитрова / Репринтное воспроизведение издания 1898 г. - М.: Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991. - 118 с.
6. Памфил Евсевий. Церковная история / Евсевий Памфил. - М.: Благовестник, 1993. - 215 с.

Исследования

1. Адаксина С. Б. Исследования монастырского комплекса на юго-восточном склоне г. Аю-Даг / С. Б. Адаксина // Археологические исследования в Крыму. - Симферополь: Крымский филиал Института археологии НАН Украины, 1997. - С. 11-13.
2. Айбабина Е. А. Могильники VIII - начала X вв. в Крыму / Е. А. Айбабина // МАИЭТ. - Симферополь: Таврия, 1993. - С. 121-133.

3. Байер Г. В. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зикхии по данным просопографического лексикона времени Палеологов / Г. В. Байер // Византия и средневековый Крым. - Выпуск 27. - Симферополь: Таврия, 1995. - С. 65-76.
4. Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского / И. А. Баранов // Феодальная Таврика. - К.: Наукова думка, 1974. - С. 151-161.
5. Баранов И. А. Памятники раннесредневекового Крыма / И. А. Баранов // Археология Украинской ССР / АН УССР. Институт археологии: В 3 т. - Т. 3. - К.: Наукова думка, 1986. - 573 с.
6. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья / И. А. Баранов. - К.: Наукова думка, 1990. - 168 с.
7. Баранов И. А. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи / И. А. Баранов, Е. В. Степанова // АК. - Симферополь: Крымский филиал Института археологии НАН Украины, 1997. - № 1. - С. 83-88.
8. Беляев С. А. Пещерный храм на главной улице Херсонеса (опыт интерпретации и реконструкции) / С. А. Беляев // Византия и Русь. - М., 1989. - С. 26-25.
9. Богданова Н. М. Церковь Херсона в X-XV вв. / Н. М. Богданова // Византия. Средиземноморье. Славянский мир: К XVIII Международному конгрессу византинистов. М., 1991. – 432 с.
10. Богданова Н. М. Церковь Херсона в X в. / Н. М. Богданова // Средиземноморье: Славянский мир. - М.: Наука, 1991. - С. 48-65.
11. Болгов Н. Н. Боспор византийский: Очерки истории / Н. Н. Болгов // Проблемы истории, филологии, культуры. - М., 1998 – 412 с.
12. Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма / О. Р. Бородин // Причерноморье в средние века. - М., 1991. С. 173-190.
13. Веймарн Е. В. «Пещерные города Крыма» / Е. В. Веймарн // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992. - С. 163-168.

14. Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена / Е. В. Веймарн // ИАСК. - М.: Изд-во АН СССР, 1958. - С. 7-54.
15. Византийская Таврика: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византистов). - Киев: Наукова думка, 1991 – 498 с.
16. Воронин Ю. С. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма / Ю. С. Воронин, В. Н. Даниленко // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. - Симферополь: Таврия, 1992. - С. 169-181.
17. Воронов А. А. Боспор Киммерийский / А. А. Воронов, М. Б. Михайлова. - М., 1983 – 198 с.
18. Гайдукевич В. Ф. Боспорские города / В. Ф. Гайдукевич. Л., 1981 – 297 с.
19. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство / В. Ф. Гайдукевич. М., 1949 – 345 с.
20. Герцен А. Г. О возникновении Готской епархии в Таврике / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // МАИЭТ. - Симферополь: Таврия, 1991. - № 2. - С. 119-121.
21. Герцен А. Г. О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Таврики / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // Крымский музей. - Симферополь: Таврия, 1995. - Выпуск 1. - С. 7-12.
22. Герцен А. Г. Пещерные города Крыма: Путеводитель / А. Г. Герцен, О. А. Махнева-Чернец. - Севастополь: Библекс, 2006. - 192 с.
23. Герцен А. Г. Пещерные церкви Мангупа / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. - Симферополь: Таврия, 1996. - С. 128.
24. Даниленко В. Н. Монастырское хозяйство в Крыму / В. Н. Даниленко // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь: Таврия, 1994. - С. 127-145.
25. Даниленко В. Н. Монастырь Чильтер-коба: архитектурный аспект / В. Н. Даниленко // История и археология Юго-Западного Крыма. - Симферополь: Таврия, 1993. - С. 78-109.

26. Диатроптов П. Д. Корпус христ. надписей Боспора / П. Д. Диатроптов, И. А. Емец // Эпиграфический вестник. - 1995. - № 2. – С. 43-52.
27. Домбровский О. И. Средневековые памятники Бойки / О. И. Домбровский // АИСК. - К.: Наукова думка, 1968. - С. 83-96.
28. Домбровский О. И. Средневековый Крым X-XV вв. / О. И. Домбровский // Археология Украинской ССР / АН УССР. Институт археологии: В 3 т. - Т. 3. - К.: Наукова думка, 1983. - С. 518-535.
29. Домбровский О. И. Столица феодоритов / О. И. Домбровский, О. А. Махнева. - Симферополь: Таврия, 1973. - 103 с.
30. Зубарь В. М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом / В. М. Зубарь // Византийская Таврика. - К., 1991. С. 8-29.
31. Зубарь В. М. У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера / В. М. Зубарь, С. Б. Сорочан. – К.: Стилос, 2005. – 182 с.
32. Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? / С. А. Иванов.- М.: Языки славянской культуры, 2003. – 376 с.
33. История Византии / Под редакцией С. Д. Сказкина: В 3 т. - М., 1967.
34. История религии / Ельчанинов А., Эрн В., Флоренский П., Булгаков С. / Репринтное воспроизведение издания 1909 г. — М.: Центр Руник, 1991. -249 с.
35. Каждан А. П. Государство и церковь во второй половине IX-X века / А. П. Каждан // История Византии. - Т. 2. - М., 1967. - С. 85-107.
36. Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время / И. Т. Кругликова. - М., 1966. – 267 с.
37. Крым христианский / Глушак А. С., Антонова И. А., Филиппенко В. Ф. и др. - Севастополь, 1996. - 147 с.

38. Кубланов М. М. Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре (I-IV вв. н. э.) / М. М. Кубланов // Ежегодник музея истории религии и атеизма. - Выпуск 2.- М., 1958. - С. 57-68.
39. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды / Ю. Кулаковский. - К.: Стилос, 2001. - 225 с.
40. Курбатов Г. Л. История Византии: (От античности к феодализму) / Г. Л. Курбатов. - М.: Высшая школа, 1984. - 207 с.
41. Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской церкви от времен апостольских до X века / А. П. Лебедев. - СПб.: Алетейя, 1997. - 412 с.
42. Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Византийской восточной церкви в IX, X и XI веках / А. П. Лебедев. - СПб.: Алетейя, 1998. - 306 с.
43. Литаврин Г. Византия и славяне / Г. Литаврин. - СПб, 1999 – 217 с.
44. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX - нач. XII вв.) / Г. Г. Литаврин. - СПб., 2000. – 198 с.
45. Лошиц Ю. Загадочные Фуллы и русские письма / Ю. Лошиц // Воскресная школа. – 1999. - №18. С. 27-35.
46. Марков Е. Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы / Е. Л. Марков. – Симферополь: Таврия, 1995. – 554 с.
47. Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI-VII вв. до н. э. / А. А. Масленников. - М., 1981. – 176 с.
48. Мень А. В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни / А. В. Мень: В 7 т. - Т. VI. - М.: Слово, 1991. - 662 с.
49. Мещеряков В. Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом / В. Ф. Мещеряков // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. - Л.: Политиздат, 1978. - С. 67-88.
50. Могаричев Ю. М. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода» / Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов, А. К. Шапошников. – Симферополь: АнтикВА, 2007. – 348 с.

51. Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма Ю. М. Могаричев // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. - Симферополь: Таврия, 1992. - С. 5-132.
52. Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики / Ю. М. Могаричев. - Симферополь: Таврия, 1997. - 384 с.
53. Мыц В. Л. Укрепления Таврики X-XV вв. / В. Л. Мыц. - К.: Наукова думка, 1991. - 164 с.
54. Мюллер Л. Древнерусские сказания о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород / Л. Мюллер // Летописи и хроники. - М., 1974. С. 48-63.
55. Науменко В. Е. Церковная география Таврики в VII-IX вв. по данным Notitiae Episcopatum / В. Е. Науменко // Крымский архив. - 1999. - № 5. – С. 15-27.
56. Николаева Э. Я. О распространении христианства на Боспоре / Э. Я. Николаева, Ю. М. Десятчиков // Таманская старина. - СПб., 1998. - Выпуск 1. - С. 82-83.
57. Никольский Н.М. История русской церкви / Н. М. Никольский. - М.: Политиздат, 1983. - 448 с.
58. Пиоро И. С. Крымская Готия / И. С. Пиоро. – К., 1990. – 200 с.
59. Подосинов А. В. Ещё раз о происхождении г. Керчь / А. В. Подосинов // Античный мир. Византия. - Х., 1994. – 217 с.
60. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / А. Поссевино. - М., 1983. – 79 с.
61. Потехин В. Е. Россия и крымские греки В. Е. Потехин, Д. В. Потехин // Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура: Материалы республиканской научно-общественной конференции. - Симферополь: Крымский республиканский институт повышения квалификации и переподготовки кадров образования, 1994. - С. 8-9.
62. Романчук А. И. Херсонес XII-XIV вв.: Историческая топография / А. И. Романчук. - Красноярск, 1986. - 31 с.

63. Ростовцев М. И. Государство и культура Боспорского царства / М. И. Ростовцев // ВДИ. - 1989. - № 3. – С. 34-56.
64. Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох / С. Ю. Сапрыкин. - М.: Наука, 2002. – 98 с.
65. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории / И. С. Свенцицкая. - М.: Политиздат, 1988. - 336 с.
66. Секиринский С. А. Крепость в Судаке / С. А. Секиринский, О. В. Волобуев, К. К. Когонашвили. - Симферополь: Таврия, 1980. - 96 с.
67. Секиринский С. А. Очерки истории Сузожа IX-XV вв. / С. А. Секиринский. - Симферополь, 1955. - 120 с.
68. Сиротенко В. Т. Письменные источники по истории Херсонеса IV-VI вв. / В. Т. Сиротенко // Ученые записки Пермского государственного университета им. А.М. Горького. - Пермь, 1964. - 230 с.
69. Смирнов П., протоиерей. История христианской православной церкви / протоиерей П. Смирнов. - М.: Православная беседа, 1994. - 172 с.
70. Тальберг Н. Д. История христианской Церкви / Н. Д. Тальберг. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001. – 518 с.
71. Тур В. Г. Высшие степени священства в средневековой Таврике / В. Г. Тур // Крымский контекст. - Симферополь: КАГН, 2001. - № VII. - С. 51-70.
72. Тур В. Г. К вопросу о Сугдейской епархии / В. Г. Тур // Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы греческой культуры». - Симферополь: Симферопольский государственный университет; Крымский центр гуманитарных исследований, 1997. - С. 108-110.
73. Тур В. Г. Очерки истории религий / В. Г. Тур. - Симферополь: Таврия, 1997. - 288 с.
74. Тур В. Г. Православные монастыри Крыма в XIX - начале XX вв. / В. Г. Тур. - К.: Стилос, 2006. - 248 с.

75. Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. / З. В. Удальцова. - М.: Издательство АН СССР, 1959. - 420 с.
76. Цветаева Г. А. Боспор и Рим / Г. А. Цветаева. - М., 1979. – 49 с.
77. Чичуров И. С. «Хождение Апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции / И. С. Чичуров // Церковь, общество и государство в феодальной России. - М., 1990. - С. 7-21.
78. Шмеман Александр, протоиерей. Исторический путь православия / протоиерей Александр Шмеман. – М.: Православный паломник-М, 2003. – 367 с.
79. Якобсон А. Л. Крым в средние века / А. Л. Якобсон. - М.: Наука, 1973.- 174 с.
80. Якобсон А. Л. Средневековый Крым / А. Л. Якобсон. - М.: Наука, 1964. - 232 с.
81. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес / А. Л. Якобсон // МИА. - № 63. – М., 1959. – 364 с.